Колин
Маккалоу
Горькая радость

Колин Маккалоу

Горькая радость

«АСТ»
2014

Маккалоу К.

Горькая радость / К. Маккалоу — «АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-094483-5

Австралия, первая треть двадцатого века.Страна еще благоденствует, еще живет ритмами джаза и танго, хотя вот-вот «тучные годы» сменятся черной полосой кризиса.Однако каким бы ни было время, никакие испытания не в силах погасить волю к жизни четырех дочерей пастора Латимера и их готовность рискнуть всем ради права воплотить в жизнь свои мечты.Блестящая карьера и светский успех, страстная любовь и радость материнства. У них будет все. Как будут и трагические потери, и жестокие разочарования, и крутые повороты судьбы, когда все придется начинать с самого начала…Четыре сестры. Четыре истории жизни…Колин Маккалоу вновь дарит читателям целый мир, в котором каждый найдет что-то необыкновенно важное лично для себя.

ISBN 978-5-17-094483-5

© Маккалоу К., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Часть первая 6
Часть вторая 38
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Колин Маккалоу
Горькая радость

Вэлу и Алексу Мартинесам с любовью и благодарностью за их доброту, не изменявшую им все эти годы.

Colleen McCullough
BITTERSWEET
Печатается с разрешения InkWell Management LLC и литературного агентства Synopsis.
© Colleen McCullough, 2014
© Перевод. Н.С. Ломанова, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Часть первая
Две пары сиделок нового типа

Эдда и Грейс, Тафтс и Китти. Две пары близнецов, дочери преподобного Томаса Латимера, пастора англиканской церкви Святого Марка в городе Корунда, Новый Южный Уэльс, Австралия.

Они сидели на четырех изящных стульчиках перед незажженным камином. Огромная гостиная была заполнена щебечущими дамами, приглашенными Мод, женой пастора, чтобы отметить событие, до которого оставалось меньше недели: дочери пастора покидали родительский дом, чтобы работать сиделками в главной больнице Корунды.

«Меньше недели, меньше недели!» – мысленно повторяла Эдда, смущаясь от того, что ее выставили на всеобщее обозрение. Она обводила глазами комнату, стараясь не смотреть на свою мачеху Мод, которая, как обычно, завладела разговором и болтала без всякого удержу.

Сбоку от стула Эдды, самом крайнем из четырех, в деревянном полу была дыра. Заметив в ней какое-то движение, она застыла и сдержала усмешку. Крыса! Только ее здесь не хватало! Надо погромче взвизгнуть и поднять крик, думала Эдда, глядя на высовывающуюся голову. Вот будет переполох!

Но, присмотревшись, она в ужасе застыла. За блестящим черным клином с подрагивающим языком – ну и головища! – последовало черное лоснящееся тело толщиной с женскую руку. И жуткая тварь продолжала вылезать – семифутовая черная змея с красным брюхом, да к тому же ядовитая. Как она пролезла сюда?

Стоит ей высвободить хвост, и она бросится куда угодно. От кочерги, стоявшей по другую сторону камина, Эдду отделяли ни о чем не подозревавшие Тафтс, Грейс и Китти, так что на это орудие надеяться не приходилось.

Сужающиеся ножки ее стула внизу были не толще тюбика помады. Глубоко вздохнув, Эдда приподнялась вместе со стулом и поставила его переднюю ножку прямо на голову змее. Потом резко опустилась на сиденье и вцепилась в его края, полная решимости противостоять самому яростному сопротивлению, подобно Джеку Терлоу, объезжающему лошадь.

Ножка стула угодила змее как раз между глаз, и она взвилась в воздух всем своим семифутовым телом. Кто-то пронзительно вскрикнул, потом закричали все, а Эдда Латимер изо всех сил старалась удержать стул на змеиной голове. Змея судорожно извивалась и колотила хвостом, нанося удары не хуже мужского кулака, столь сильно и стремительно, что, казалось, вокруг стула бушует вихрь, темная сила, сметающая все на своем пути.

Женщины в панике бегали по комнате и вопили, не спуская испуганных глаз с Эдды, сражающейся со змием, но подойти помочь никто не решался. Никто, кроме бесстрашной красавицы Китти, которая, бросившись к камину, схватила томагавк, которым кололи щепки для растопки. Уворачиваясь от змеи, она сумела пробиться к стулу и двумя ударами отсекла гадине голову.

– Можешь слезть со стула, Эдс, – сказала Китти, бросая топорик. – Ну и страшилище! Ты будешь вся в синяках.

– Ты сумасшедшая! – всхлипнула Грейс, роняя слезы.

– Вот дурехи! – с чувством бросила Тафтс, имея в виду Эдду с Китти.

Побелевший Томас Латимер был слишком поглощен хлопотами вокруг второй жены, бившейся в истерике, чтобы сделать то, к чему его призывал отцовский долг, – похвалить отличившихся дочерей.

Крики и возгласы наконец утихли, напряжение в гостиной несколько спало, и самые бесстрашные дамы даже отважились подойти к поверженной змее, чтобы лично убедиться в ее

кончине – да это просто монстр какой-то! В то время как миссис Энид Тридби и миссис Генриетта Бердам помогали преподобному утешать Мод, все остальные, кроме самих сестер, мгновенно забыли о цели сборища. Умами владело лишь одно – странная Эдда Латимер убила ядовитую змею, и пора бежать домой, чтобы предаться там любимому занятию женщин Корунды – сплетничать, распускать слухи и предаваться домыслам.

Близнецы двинулись к столику с угощением и, налив чай в тонкие чашки, набросились на сандвичи с огурцом.

– Ну разве не дуры? – вопрошала Тафтс, размахивая заварочным чайником. – Можно подумать, на нас бы обрушились небеса! Вполне в твоем духе, Эдда. А если бы ты ее не удержала? Что тогда?

– Тогда, Тафтс, я бы обратилась за советом к тебе.

– Ха! Пустые хлопоты, ведь к тебе на помощь устремилась наша отчаянная Китти.

Тафтс бросила взгляд на гостиную.

– Черт возьми, да все расходятся! Налетай, девчонки, теперь наедимся до отвала.

– Мамаша дня два будет приходить в себя, – весело предположила Грейс, протягивая пустую чашку. – Удар посильнее, чем потеря четырех бесплатных домработниц.

Китти громко высморкалась.

– Вздор! Для матери потеря бесплатных прислужниц гораздо страшнее, чем какая-то там змея, будь она хоть в сто раз больше и ядовитее.

– Мало того, когда мать придет в себя, она первым делом прочтет Эдде проповедь, как убивать змей, соблюдая внешние приличия, – не унималась Тафтс. – А то ведь возникла ненужная суматоха.

– Признаю свою вину, – мирно отозвалась Эдда, намазывая булочку толстым слоем джема со взбитыми сливками. – М-м! Если бы не я, сидели бы вы сейчас без булочек. Все бы подчистили матушкины подружки. – Она засмеялась. – Уже в понедельник, девочки! Со следующей недели мы начинаем самостоятельную жизнь. Без всякой мамочки. Надеюсь, я не задеваю чувств Тафтс и Китти.

– Не задеваешь, – мрачно подтвердила последняя.

Нельзя сказать, что Мод Латимер делала все со злым умыслом, в ее собственном представлении она была золотая мачеха и образцовая мать. Эдда и Грейс достались ей от первого брака мужа, а Тафтс и Китти были ее собственными дочерьми, но разницы между ними она никогда не делала, о чем спешила сообщить всякому, кто проявлял хоть малейший интерес к семье приходского священника. Разве могут быть обузой такие чудесные крошки, тем более для женщины, которая без ума от детей? Возможно, ее благие намерения претворились бы в жизнь, но своевольная игра природы внесла в них некоторые коррективы. Дело в том, что Китти, младшая из близнецов Мод, была настолько красива, что остальные сестрички просто терялись на ее фоне, подобно бледной луне в лучах ослепительного солнца.

Китти, начиная с самого раннего детства и вплоть до той злополучной вечеринки, восхищала Мод, и та не переставала превозносить ее совершенства всякому, кто имел неосторожность оказаться в пределах слышимости. С такой оценкой нельзя было не согласиться, хотя вид Мод, гордо ведущей Китти за руку, и трех ее сестричек, следующих чуть поодаль, уже изрядно всех утомил. В конце концов общественность Корунды пришла к единодушному мнению, что так Мод лишь перессорит сестер, сделав из них непримиримых врагов – ведь Эдда, Грейс и Тафтс наверняка ненавидят Китти! Ну кто из нее может вырасти? Конечно же, противная, испорченная и нестерпимо самодовольная особа.

Но получилось иначе, хотя для всех, кроме пастора, это было полной неожиданностью. Он пребывал в уверенности, что нежная дружба между его дочерьми не что иное, как знак

особого благоволения Господа. Однако Мод настаивала на приоритете, будучи уверена, что хвала, которую ее муж возносит Всевышнему, на самом деле причитается ей, и только ей.

Девочки Латимер не одобряли Мод и немного презирали ее, а их любовь к ней не выходила за рамки соблюдения приличий. Против Мод их сплотило вовсе не то, что сразу три оказались на периферии ее привязанностей, а то, что в их эпицентр угодила Китти.

По идее из Китти должен был выйти избалованный и капризный ребенок, но она была застенчива, тиха и безответна. Эдда и Грейс, как старшие, заметили это первыми, чуть позже к ним присоединилась Тафтс, и все три дружно озаботились тем влиянием, которое оказывала на Китти мать. Когда и как созрел заговор, имевший целью оградить Китти от посягательств Мод, покрыто мраком тайны, но решимость заговорщиков со временем только росла.

Верховодила, как всегда, Эдда, причем это сложилось довольно давно, когда двенадцатилетняя Эдда застала Китти за весьма удручающим занятием: та пыталась изуродовать свое лицо с помощью терки для сыра. Схватив десятилетнюю сестричку, Эдда потащила ее к отцу, милейшему и добрейшему из всех человеческих существ. Он справился с проблемой наилучшим образом, подойдя к ее решению единственно доступным ему способом – стал убеждать девчушку, что, пытаясь покалечить себя, она гневит Господа, создавшего ее красивой по каким-то своим соображениям, которые Он со временем непременно ей явит.

Эта мысль держала Китти на плаву до последнего класса женского колледжа, принадлежавшего англиканской церкви. Несмотря на разницу в возрасте, все четыре сестры учились в одном классе, что было достигнуто посредством некоторого смещения начала их обучения.

Директриса, сурового вида шотландка, сочла необходимым напутствовать десяток девочек, перешедших в выпускной класс, обратившись к ним с речью, которая окончательно сбила их с толку:

– Ваши родители предоставили вам возможность учиться в женском колледже Корунды и получить там прекрасное образование, которое вы завершаете в конце 1924 года от Рождества Христова, – объявила она с безукоризненным произношением выпускницы Оксфорда. – После окончания колледжа вы сможете гордиться полученными знаниями – во всяком случае, для женщин это превосходное образование. Ваша подготовка по таким предметам, как английский язык, математика, древняя и новая история, география, естественные науки, латинский и греческий языки, дает вам возможность поступить в университет.

Сделав многозначительную паузу, она заключила:

– Однако самой лучшей карьерой для вас будет удачное замужество. Если же вы решите не выходить замуж и поступить на службу, то перед вами лишь два пути – преподавание в средней школе и работа секретаря.

В субботу за обедом Мод сочла необходимым прокомментировать эту речь.

– Какая чушь! – фыркнула она. – Нет, я не об удачном замужестве! С этим, девочки, у вас не будет проблем. Но дочерям пастора вовсе не обязательно пачкать руки, чтобы заработать на жизнь. До замужества все вы будете жить дома и помогать мне по хозяйству.

В сентябре 1925 года, когда Эдде и Грейс исполнилось девятнадцать, а Тафтс и Китти восемнадцать, Китти отправилась на конюшню и отыскала там кусок веревки. Перекинув ее через стропила, она смастерила петлю и, надев на шею, взобралась на пустую бочку из-под бензина. Когда Эдда обнаружила сестру, та уже оттолкнула бочку и смиренно висела в петле, готовясь расстаться с жизнью. Собрав неизвестно откуда взявшиеся силы, Эдда вытащила Китти из петли раньше, чем произошло непоправимое.

На этот раз она не сразу кинулась к пастору.

– Господи, сестричка, миленькая моя! Ну разве так можно?! – плакала она, прижимаясь щекой к шелковистой копне волос. – И ради чего? Хуже смерти все равно ничего нет!

Но когда Китти, обретя голос, стала хрипло изливать душу, Эдда поняла, что есть.

– Я ненавижу свою внешность, Эдда, меня от нее тошнит! Я мечтаю, чтобы мама наконец унялась и оставила меня в покое! Но нет! Она всем твердит, что я Прекрасная Елена. Она не дает мне нормально одеваться и выходить без косметики. Эдда, можно подумать, она готовит меня в невесты принцу Уэльскому!

Эдда постаралась обратить все в шутку:

– Даже наша мама отдает себе отчет, что ты не во вкусе его королевского высочества, Китс. Он предпочитает замужних и постарше тебя.

В ответ прозвучал смешок, больше похожий на всхлип, и Эдде пришлось изрядно потрудиться, употребив всю силу убеждения, прежде чем Китти согласилась пойти к отцу.

– Китти, ты не одна такая. Посмотри на меня! Я бы душу дьяволу продала – клянусь! – чтобы стать врачом. Диплом медика – моя самая заветная мечта. Но мне его не видать как своих ушей. Во-первых, на учебу нет денег – и никогда не будет. Во-вторых, в глубине души наш папочка этого не одобряет. Нет, он не против того, чтобы женщины получали профессию, но быть врачом – не женское дело, а он не хочет, чтобы я загубила себе жизнь. Я-то знаю, что он ошибается, но он и слушать ничего не желает.

Взяв руку Китти, Эдда сжала ее тонкими сильными пальцами.

– Почему ты считаешь, что только ты несчастна? Думаешь, я не хотела повеситься? Хотела! И не один раз!

В общем, к тому времени, когда Эдда сообщила Томасу Латимеру о произошедшем, Китти была податлива, как гончарная глина.

– О Боже мой! – прошептал он, и по его узкому красивому лицу покатились слезы. – Для самоубийц у Господа есть особый ад – и это не геенна огненная, полная страждущих грешников. Те, кто сам лишил себя жизни, навечно пропадают в глубинах бесконечности. Там они пребывают в полном одиночестве, не видя ни единой души, не слыша ничьих голосов и не испытывая абсолютно ничего – ни мук, ни исступленного восторга. Поклянись мне, Кэтрин, что ты больше никогда не посягнешь на свою жизнь!

Китти поклялась и не делала попыток нарушить клятву. Но сестры на всякий случай держали ее под неусыпным надзором.

Как выяснилось позже, неудавшееся самоубийство произошло в очень удачный момент, и все благодаря тому, что пастор церкви Святого Марка был членом попечительского совета городской больницы Корунды. Совет собрался как раз через неделю после нервного срыва Китти, и там среди прочего обсуждался тот факт, что в 1926 году департамент здравоохранения Нового Южного Уэльса вводит новые требования к сиделкам: теперь это будут хорошо обученные, образованные и дипломированные медсестры. Пастор мгновенно сообразил, что это неплохая карьера для девушек, воспитанных как настоящие леди. Особенно его вдохновило то обстоятельство, что эти медсестры будут жить на территории больницы, чтобы всегда быть рядом при необходимости. Жалованье, правда, довольно незначительное, а за вычетом платы за жилье, форму и книги оставалась просто жалкая мелочь, но каждая из его девочек имела скромное приданое в размере 500 фунтов, и «мелочь» позволит им жить, не затрагивая основной капитал. Да и Мод уже начинала ворчать, что для работы по дому четверых слишком много. «Почему бы не привлечь девочек карьерой медсестер? – рассуждал пастор по дороге домой. – Приличная работа, какое-никакое жалованье, проживание в больнице и (хотя это и некорректно по отношению к супруге) полная свобода от произвола Мод».

Пастор начал с Эдды, и она проявила бешеный энтузиазм. Даже Грейс, встретившая эту идею прохладно, в конце концов дала себя уговорить, ведь для них с Китти была важна не сама работа, а возможность освободиться от Мод.

Гораздо сложнее было убедить попечительский совет. Пастору пришлось в одиночку противостоять двенадцати его членам, убеждая их, что городская больница Корунды должна стать пионером в деле подготовки сиделок нового типа. В теле кроткой газели, каковой всегда счи-

тался Томас Латимер, неожиданно проснулся лев, который спал там так долго, что его шкуру слегка изъела моль. И вот впервые на памяти жителей Корунды лев зарычал, оскалил зубы и выпустил когти. Эти львиные ухватки настолько ошеломили Фрэнка Кэмпбелла, главного врача больницы, что он полностью потерял способность к сопротивлению. И преподобный Латимер покинул арену победителем, впервые оценив преимущества силового подхода.

Наевшись до отвала, близнецы обменялись торжествующими взглядами. Гостиная опустела, заваренный чай перепарился, но юные сердца ликовали.

– Осталось дожить до понедельника, и мы избавимся от Мод, – заявила Китти.

– Китти! Какая она тебе Мод? Это же твоя родная мать, – возмутилась Грейс.

– Как хочу, так и называю.

– Да ладно тебе, Грейс. Она просто празднует свое освобождение, – усмехнулась Эдда.

Тафтс, самая практичная из сестер, посмотрела в сторону змеиного трупа.

– Праздник окончен, – объявила она, поднимаясь. – Пора убирать, девочки.

Мельком взглянув на змею, лежащую в луже крови, Грейс вздрогнула от отвращения.

– Я согласна помыть чайники, но вот от этого меня увольте!

– Поскольку, кроме криков и распускания соплей, ты пока себя никак не проявила, так хотя бы убери эту тварь.

Тафтс прыснула в кулак.

– Боишься ручки испачкать, Грейс? Посмотрим, как ты запоешь в больничных палатах!

Сжав свой большой рот в ниточку, Грейс сложила руки на груди и зло посмотрела на сестер.

– Вот тогда и займусь всей этой грязью и ни минутой раньше. Китти, это ты оттяпала ей голову, ты и убирайся.

Внезапно она повеселела:

– Ой, девочки, вы только представьте! Мы больше не бесплатные домработницы! Больница Корунды, мы идем к тебе!

– Чтобы копаться в грязи и всем таком прочем, – добавила Эдда.

* * *

Преподобный Томас Латимер стал пастором англиканской церкви Святого Марка двадцать два года назад. Он не был уроженцем Корунды, но в его жилах текло немного крови Тридби, и это обстоятельство расположило к нему многочисленную паству, несмотря на его молодость и нехватку опыта. Два последних качества не считались недостатком, ибо в Корунде предпочитали лепить из сырой глины по своим собственным моделям. Его жена Аделаида происходила из хорошей семьи и пользовалась всеобщей симпатией, чего нельзя было сказать об экономке пастора, Мод Тридби Скоуби, бездетной вдове с безупречной родословной и невыносимым самомнением.

Со временем любовь паствы к Томасу и Аделаиде только возрастала: пастор, имевший впечатляющую внешность ученого, был добр и великодушен, и такой же была его жена. Выдержав пристойную паузу, Аделаида забеременела и 13 ноября 1905 года произвела на свет двойняшек, Эдду и Грейс, после чего умерла от сильнейшего кровотечения.

Учитывая неоценимый вклад Мод Скоуби в ведение пасторского домашнего хозяйства, церковное начальство разрешило безутешному Томасу Латимеру и дальше пользоваться ее услугами, тем более что в доме имелись новорожденные. Мод была на шесть лет старше пастора, и ей уже перевалило за тридцать, но она по-прежнему производила впечатление яркой внешностью и жеманными манерами. Предложение остаться привело ее в восторг. Работу ее

нельзя было назвать синекурой, но она хорошо оплачивалась. Церковные власти не скупились, когда речь шла о няньках и уборщицах.

Когда через год после смерти супруги пастор женился на Мод Скоуби, прихожане восприняли это с пониманием. Она немедленно забеременела и 1 августа 1907 года чуть преждевременно родила двойню. Девочек крестили как Хизер и Кэтрин, но со временем они превратились в Тафтс и Китти.

В отличие от первой жены пастора, Мод вовсе не спешила умирать. Она намеревалась пережить мужа и даже собственных детей. Теперь, когда она стала пасторшей, ее известность среди прихожан существенно возросла. Почти все они терпеть ее не могли, считая нахальной и ограниченной выскочкой. Корунда единодушно решила, что Томас Латимер попал в сети расчетливой интриганки. Любая другая была бы сокрушена таким вердиктом, но на самомнении Мод он не оставил даже самой легкой царапины. Ее самоуверенность была столь велика и непоколебима, что ей даже в голову не приходило, что она может кому-то не нравиться. Сарказм и ирония скатывались с нее как с гуся вода, к чужим суждениям она относилась с полным пренебрежением. Ко всему прочему, ей необыкновенно повезло. Очень быстро разочаровавшись в своем втором супружестве, ее муж тем не менее считал брак священным пожизненным контрактом, который ни при каких обстоятельствах не может быть нарушен или расторгнут. Несмотря на совершенную ошибку, Томас Латимер не уклонялся от избранного курса. Он относился к жене с терпением, порой потакал ей, порой удерживал от опрометчивых поступков, выносил все ее капризы и приступы раздражения, даже не помышляя о нарушении данной ей клятвы. А если в глубинах его сознания и возникала крамольная мысль о том, как бы удачно все сложилось, если бы Мод влюбилась в кого-нибудь другого, он в ужасе давил ее в самом зачатке.

Двойняшки не были абсолютными копиями, ни та ни другая пара, что вызывало жаркие споры относительно того, что считать «похожестью» близнецов. Эдда и Грейс унаследовали материнский рост и стройность, а от отца им досталась легкость и грациозность движений. Черты их приятных лиц были очень схожи, руки и ноги словно скроены по одному лекалу: у обеих черные волосы, высокие дуги бровей, длинные густые ресницы и светло-серые глаза. И все же разница была. В широко раскрытых глазах Грейс затаилась печаль, из которой она умела извлекать определенную выгоду. Глаза Эдды были посажены глубже, наполовину прикрыты веками, и в них сквозила некоторая отчужденность. Со временем выяснилось, что Эдда очень умна, своенравна и целеустремленна, в то время как Грейс не любит читать, не особо стремится к знаниям и раздражает окружающих вечными жалобами и нытьем. В итоге, когда началась их медицинская карьера, близнецы уже не казались похожими – характеры наложили печать на их лица, придав им совершенно разное выражение и направленность взглядов.

Мод никогда их не любила, но искусно скрывала это. Все девочки были чистенькими и ухоженными, носили одинаковую с точки зрения цены одежду и получали должное воспитание. Правда, для своих собственных дочек она выбирала цвета, которые им были к лицу, чего нельзя было сказать о платьицах двойняшек Аделаиды. Но такая избирательность просуществовала не слишком долго – годам к пятнадцати девочки призвали на помощь отца, и он разрешил им самим выбирать цвета и фасоны. От этого модного переворота выиграли прежде всего Эдда и Грейс – их хороший вкус был немедленно отмечен общественным мнением, которое Мод по своему обыкновению проигнорировала.

Тафтс и Китти (Тафтс родилась первой) имели больше сходств и различий, чем старшие близнецы. Фигурой они пошли в мать – этакий карманный вариант Венеры: маленький рост, пышная грудь, осиная талия, широкие бедра и безупречные ноги. Они с самого рождения были восхитительны, поражая окружающих хрестоматийной детской красотой, сотворенной Всевышним сразу в двух экземплярах. Ямочки на щеках, локоны и огромные глаза прида-

вали им трогательную прелесть котят, а еще у них был круглый лобик, овальный подбородочек и чуть заметная улыбка Моны Лизы. Бог подарил им тонкие прямые носики, пухлые губки, высокие скулы и тонко очерченные брови.

Но вот раскраска у них была разная, и в этом заключалось главное отличие Китти-солнца от Тафтс-луны. Тафтс была вся в желто-медовых тонах: янтарно-золотые волосы, персиковая кожа и меланхоличные желтоватые глаза. Один и тот же цвет повторялся в нескольких вариантах, словно у художника со скудной палитрой. Но вот Китти! Она была вся на контрастах. Самой примечательной была ее кожа, такая смуглая, что некоторые называли ее «кофе с молоком», в то время как другие, настроенные менее снисходительно, шептались, что в роду у Мод, вероятно, была ложечка дегтя. Волосы, брови и ресницы у Китти были абсолютно льняными, без единой капли золота. В сочетании со смуглой кожей они выглядели на редкость живописно. Одно время даже ходили слухи, что Мод обесцвечивает волосы дочки перекисью водорода. В довершение всего глаза у Китти были ярко-голубые с сиреневыми черточками, которые появлялись и исчезали в зависимости от ее настроения. В них не было безмятежности, с которой взирали на мир ее сестры, там часто мелькало смущение и некоторый испуг. Переставая понимать происходящее или теряя над ним контроль, Китти, погасив взор, закрывалась в собственном мире, о существовании которого догадывались лишь ее сестры.

Увидев Китти, люди обычно останавливались и начинали откровенно разглядывать ее. Мало того, ее мать считала своим долгом распространяться о ее красоте перед каждым встречным, включая тех, кого она видела каждый день, обрушивая на них потоки восторженных восклицаний и совершенно игнорируя то обстоятельство, что объект этих восторгов находится рядом, так же как и остальные девочки.

– Вы когда-нибудь видели такого красивого ребенка?

– Когда она вырастет, то выйдет замуж за миллионера!

Такого рода замечания и повлекли за собой терку для сыра и веревку, а также решение о совместном прохождении курса обучения в городской больнице Корунды. И все сестры согласились, что если не изолировать Китти от Мод, то при следующей попытке суицида Эдды может просто не оказаться рядом.

Дети живут в собственном мире, который ограничивается местом их обитания, поэтому девочкам Латимер и в голову не приходило анализировать поведение Мод или сравнивать ее с другими мамашами. Они просто взяли на веру, что любой, кто имеет восхитительную (по выражению Мод) внешность, непременно станет объектом беспощадного внимания. Они как-то не задумывались, что Мод тоже по-своему уникальна, а будь Китти несколько иной, она бы наслаждалась этим вниманием. Как бы то ни было, но сестрички сочли своим святым долгом защищать Китти от того печального явления, которое Эдда назвала «родительским идиотизмом». Девочки взрослели, но желание опекать Китти не проходило, становясь со временем только сильнее.

Все четыре были неглупы, но академические лавры всегда доставались Эдде – она с легкостью справлялась с любым предметом, будь то математика, история или английский язык. Тафтс не уступала ей в одаренности, но у нее не было яростного напора сестры. Она была практичной и приземленной, что как-то не вязалось с ее романтической внешностью. Мальчиками она никогда не интересовалась, считая их глупыми и неуклюжими существами. Их феромоны не производили на нее никакого впечатления.

В Корунде имелась мужская средняя школа, и девочки из женского колледжа активно общались с мальчиками на балах, вечеринках, спортивных соревнованиях и других мероприятиях. Те, как могли, оказывали им внимание – в ходу были поцелуи, но дальше этого дело никогда не шло.

Этот поведенческий кодекс был совсем не обременителен для Тафтс, Китти и Эдды, но склонная к приключениям и не слишком прилежная в учении Грейс считала его слишком скучным. Она с упоением читала журналы, где писали о кинозвездах, театральных актерах, модах и королевском семействе Виндзор, правившем Британской империей, но не чуждалась и местных сплетен. Ее острый ум был эгоистичен и помогал ей избегать неприятностей и уклоняться от неприятной работы, однако он не уберег ее от одной поистине необъяснимой страсти: она обожала паровозы. Если Грейс вдруг исчезала, все знали, где ее искать – на запасных путях, где она с восторгом созерцала паровозный парк. Несмотря на все свои недостатки, она была добра, отзывчива и предана сестрам, которые прощали ей все, включая склонность к постоянному нытью.

У Китти было романтическое воображение, но в плане духовной красоты она явно недотягивала до физической – все дело портил ее острый и злой язычок. Он был оружием, которым она защищалась от постоянных дифирамбов, – и до людей вдруг доходило, что, помимо красивого личика, в этой девочке есть кое-что еще. Приступы депрессии (их называли «упадком настроения»), которые случались каждый раз, когда Мод прорывала оборону, были для Китти нелегким испытанием, выдерживать которое ей помогали лишь сестры, самоотверженно прикрывавшие ей спину, пока ее не отпускало. Школьные экзамены она сдавала без проблем до тех пор, пока не подняла свои мерзкие головы стоглавая гидра математики. Но вот за сочинения Китти неизменно получала награды – выражать себя на бумаге она умела блестяще.

Мод терпеть не могла Эдду, которая была главарем оппозиции и вечно покушалась на ее планы, особенно в отношении Китти. Но Эдде было наплевать. К десяти годам она была уже выше мачехи, а позже вымахала настолько, что возвышалась над Мод, словно башня, что, по мнению последней, было не совсем прилично и таило в себе определенную угрозу. В ее светлых глазах было что-то волчье, и в тех редких случаях, когда Мод посещали ночные кошмары, там всегда фигурировала Эдда. Мачеха с садистским рвением отговорила пастора от денежных затрат, сопряженных с медицинской карьерой Эдды, и наслаждалась этой блистательной победой. При мысли, что расстроила честолюбивые планы падчерицы, она прямо-таки урчала от удовольствия. Если бы Эдда знала, кто на самом деле разбил ее мечты о медицине, Мод, вероятно, поплатилась бы за свои интриги. Но Эдда так и осталась в неведении. Очутившись в плену у собственных убеждений, подкрепленных железными доводами жены, Томас Латимер искренне считал, что уберег дочь от нелегких жизненных испытаний. И позже никогда не распространялся на этот счет, оставляя Эдду в уверенности, что на ее учебу просто не нашлось денег.

Упаковав четыре чемодана, Эдда с Грейс и Тафтс с Китти в начале апреля 1926 года явились в городскую больницу Корунды для прохождения службы.

– Очень удачно! – мрачно отметила Грейс. – Сегодня как раз первое апреля.

* * *

Округ Корунда находился на южном плоскогорье в трех часах езды от Сиднея и считался одним из самых богатых сельскохозяйственных районов Австралии. Там разводили мясных овец, выращивали картофель и вишню и добывали рубины, хотя месторождение, принадлежавшее Тридби, было уже выработано, и теперь вся добыча велась на рудниках семьи Бердам.

В этих местах лето перекочевывает в другие регионы уже в марте, а в апреле начинается типично английская осень: опадают завезенные деревья, а у жителей угасает страсть к ландшафтному дизайну, представленному большим разнообразием форм – от садиков в стиле Энн Хатауэй до подражаний Умелому Брауну. В первых числах апреля в воздухе уже разливается

прохлада, а местные вечнозеленые породы приобретают уставший и запыленный вид и словно молят о дожде.

Пастор высадил дочек у главного входа больницы, и они сами потащили чемоданы в здание. Серые глаза преподобного были полны слез. Как пусто теперь будет в доме!

Старшая медсестра Гертруда Ньюдигейт приступила к работе всего лишь неделю назад, хотя прибывшим об этом знать не полагалось. Она была недовольна. Когда она вступала в эту должность, ни о каких сиделках нового типа не было и речи. Это во многом определило ее выбор. И вот вам, пожалуйста! В Сиднее все помешались на нововведениях, но сестра Ньюдигейт решила держаться от них подальше. И на тебе!

Вся снежно-белая с головы до ног, она сидела за столом, рассматривая явившихся в больницу девиц. Модная и дорогая одежда, короткие прически, напудренные личики, накрашенные ресницы и губы, шелковые чулки, туфли, сумочки и перчатки из лайки, классическое английское произношение, которое обычно приобретается в частных школах…

– У меня нет для вас подходящего жилья, – холодно произнесла старшая медсестра, и ее накрахмаленный халат при этом поскрипывал. – Так что вам придется поселиться в старом коттедже для медсестер. Нашему главному врачу, доктору Кэмпбеллу, пришлось сильно потратиться на ремонт. Вашей наставницей будет сестра Марджори Бейнбридж, она будет жить в том же здании, но отдельно от вас.

Она покачала головой в накрахмаленной марлевой косынке, напоминавшей головной убор египетских фараонов, и на шее у нее сверкнул серебряный эмалевый значок – знак отличия дипломированной медсестры Нового Южного Уэльса. Другие значки, а их было несколько, свидетельствовали, что мисс Гертруда Ньюдигейт является дипломированной акушеркой, детской медсестрой и выпускницей школы медсестер при старейшей лондонской больнице Святого Варфоломея. Городская больница Корунды приобрела на редкость ценного специалиста. Но вновь прибывшие в значках не разбирались и поэтому оставили этот факт без внимания.

– Средний медицинский персонал называют сестрами, – продолжала мисс Ньюдигейт. – Так же называют и монахинь, но медсестры – это нечто совсем иное. Правда, в старину монахини тоже ухаживали за больными. Однако после уничтожения монастырей и монашеских орденов при Генрихе VIII роль сиделок стали выполнять женщины совсем другого рода – проститутки. Мисс Флоренс Найтингейл и ее единомышленницам пришлось немало потрудиться, чтобы вернуть нашей профессии уважение общества, и мы по праву считаем себя ее наследницами. Более трех веков профессия сиделки пользовалась дурной славой и была полем деятельности преступниц и проституток. Некоторые влиятельные мужчины до сих пор придерживаются такого же мнения. Гораздо дешевле нанять проститутку, чем порядочную женщину. – Бледно-голубые глаза старшей медсестры обдали сестер леденящим холодом. – Как старшая медсестра больницы, я являюсь вашим непосредственным начальством и должна предупредить вас, что никаких вольностей здесь не потерплю. Вы меня поняли?

– Да, медсестра, – испуганным шепотом произнесли все четверо, включая Эдду.

– А теперь о ваших родственных отношениях и именах, – жестко продолжала мисс Ньюдигейт. – Будьте любезны, держите их при себе. У наших сестер нет ни ваших денег, ни вашего образования, ни прочих привилегий. Мне лично не нравится ваш вид и манера изъясняться. Ваше… э… чувство превосходства. Я бы попросила вас сбавить тон. А что касается имен… В больнице не должно быть никакой путаницы, поэтому все вы будете работать под разными фамилиями. Мисс Эдда Латимер, вы сохраните свою фамилию. Мисс Грейс Латимер, здесь вы будете именоваться сестрой Фолдинг, по девичьей фамилии вашей матери. Мисс Хизер Латимер будет сестрой Скоуби, по фамилии ее матери в первом браке. А вы, мисс Кэтрин Латимер, станете сестрой Тридби, по девичьей фамилии вашей матери – Старшая медсестра глубоко вздохнула, на что ее форма отозвалась очередным хрустом. – Теоретическое обучение

начнется только в июле, так что у вас будет три месяца практической подготовки. Руководить вами будет сестра Бейнбридж, которой вы должны полностью подчиняться.

Послышался легкий стук в дверь, и в комнату вплыла женщина под сорок без малейших следов косметики на лице, взиравшая на старшую медсестру с преданностью полуголодной собаки.

– О, как раз вовремя! – заявила та. – Сестра Бейнбридж, познакомьтесь со своими подопечными – сестра Латимер, сестра Фолдинг, сестра Скоуби и сестра Тридби. Прошу вас, девушки, следовать за сестрой.

Переведя дух, девушки вышли за своей предводительницей во двор.

Голову сестры Бейнбридж украшало такое же накрахмаленное сооружение, как у ее начальницы, но на этом их сходство заканчивалось. Ее форма представляла собой наглухо застегнутое полосатое платье с длинными рукавами, дополненное съемным целлулоидным воротничком и такими же манжетами. Обширная талия была обхвачена темно-зеленым прорезиненным поясом, на котором висели белые тесемки, концы которых скрывались в карманах. Как выяснилось позже, к ним были привязаны ножницы для разрезания бинтов, роторасширитель на случай эпилептических припадков и крохотный наборчик инструментов в кошельке для мелочи. На ногах толстые фильдекосовые чулки и черные туфли с дырочками на массивных низких каблуках. Этот наряд никак не украшал ее квадратную фигуру, в которой, несмотря на громадную грудь, мерно колыхавшуюся при ходьбе, не было ничего женственного. Со временем девушки привыкли к этому механическому колыханию, но в то первое апрельское утро оно произвело на них устрашающее впечатление.

Прошествовав по довольно большому двору, они очутились перед ветхим домишком с верандой. Старшая сестра именовала это строение «коттеджем», что поначалу ввело сестер в заблуждение. Они ожидали увидеть нечто небольшое и изящное, а вместо этого обнаружили какой-то амбар, выглядевший так, словно его расплющили паровым молотом. И если главный врач Кэмпбелл и «потратился» на его ремонт, то следов этой реновации не удалось обнаружить даже Эдде, обладавшей орлиным зрением. Чтобы как-то приспособить этот сарай для жилья, его разделили внутри перегородками, создав некое подобие квартир с минимальными удобствами.

– Латимер и Фолдинг, вот ваша спальня. А Скоуби и Тридби будут спать здесь. Еще в вашем распоряжении ванная и кухня. Моя квартира находится вот за этой дверью. Когда я там, прошу меня не беспокоить. А сейчас можете распаковать чемоданы.

С этими словами она удалилась.

– Ну и дыра! – чуть слышно произнесла Китти.

– Да, небогато, – вздохнула Тафтс.

Они стояли на кухне, где из кухонной утвари имелась лишь газовая плита.

Грейс, уже готовая заплакать, грустно созерцала маленький деревянный стол и четыре жестких стула.

– Это надо же! Никакой обстановки, кроме жалких стульев на кухне! – захныкала она. – Будешь ныть, скормлю тебя собакам, – бросила Тафтс, проводя пальцем по кромке плиты.

– Бог с ним, с ремонтом, но здесь даже не убрались, – с гримасой добавила она.

– Тогда займемся этим сами, – бодро предложила Эдда. – Вы только подумайте, девочки! Оказывается, нам здесь совсем не рады.

Три пары глаз обратились на Китти, самое слабое звено в их команде. Как она отнесется ко всему этому?

– Да пошли они!.. – решительно произнесла Китти. – Будь я проклята, если Латимеры спасуют перед стаей мелких шавок!

– Ты хочешь сказать, сук? – уточнила Эдда.

Китти засмеялась:

– Ну, до настоящих сук им еще далеко. Наша матушка даст старшей медсестре сто очков вперед.

Грейс изумленно уставилась на Китти:

– Тебе, я вижу, все нипочем?

– Пока да, – усмехнулась Китти. – Все это мелочи по сравнению с тем, что я наконец вырвалась на волю.

– Эдда, а как тебе старшая медсестра? – поинтересовалась Тафтс.

– Боевой корабль под парусами, готовый выпустить залп по противнику, даже если он не появился на горизонте, – ответила за нее Грейс.

– Ты читаешь мои мысли, – отозвалась Тафтс. – По словам миссис Энид Тридби, старшая медсестра выбрала нашу больницу как место, откуда можно достойно выйти на пенсию.

– И ты скрывала от нас такие ценные сведения? – возмутилась Эдда. – Это же очень важно, Тафтс!

– Ты же знаешь, Эдс, я никогда не разношу на хвосте сплетни. Не в моих привычках.

– Прости, совсем забыла, что ты у нас конспиратор. Грейс, кончай скулить, как собачонка!

– Старшая медсестра такая мерзкая и эта Бейнбридж тоже, – пролепетала Грейс сквозь слезы. – Ну почему папочка не отправил нас в какую-нибудь сиднейскую больницу?

– Потому что в Корунде отец имеет вес и может нам помогать, – объяснила Тафтс. – Конечно, здесь мы рискуем намозолить зад на жестких стульях, и гостиной для нас почему-то не предусмотрели. Боюсь, что горячей воды здесь тоже нет. Но, в конце концов, это больница, а не отель.

– В кухне только холодная, – скривилась Эдда.

В это время из спальни вышла Китти. В руках у нее был полосатый предмет, похожий на кусок картона. Помяв его в руках, она попыталась разодрать слипшиеся от крахмала слои, сопроводив усилия грустной шуткой:

– Будто шкуру сдираешь с заколотого барашка. – Отложив в сторону разлепленное платье, Китти взялась за белый кусок картона. – Из него, вероятно, получится передник. – Поработав над ним, она объявила: – Смотрите-ка! Он целиком закрывает платье – все, кроме рукавов. И чулки под стать наряду: черные, плотные и в резиночку. Теперь мне ясно, почему нас так обрядили.

Грейс, с помощью помады и пудры приводившая в порядок лицо, подняла на нее глаза:

– Что ты имеешь в виду?

– Грейс, не будь дурой! Почему, ты думаешь, эта фурия прочитала нам проповедь о монахинях, целомудрии и проститутках? Она хотела сказать, что в ближайшие три года нам предстоит стать бесполыми существами, даже если мы и будем числиться женщинами. Никакого флирта с докторами, Грейс! Если ты угробишь пациента, в глазах медсестры Ньюдигейт это будет меньшим грехом, чем твое безнравственное поведение. Поэтому мы будем таскать на себе жуткие балахоны и толстые черные чулки. Держу пари, помада и пудра тоже окажутся под запретом.

– Только попробуй опять зареветь, Грейс! – грозно сказала Эдда.

– Я хочу домой!

– Забудь об этом!

– Терпеть не могу убирать грязь, – заявила Грейс, и лицо ее вдруг прояснилось. – Значит, когда мне исполнится двадцать один, я стану дипломированной медсестрой и смогу делать все, что заблагорассудится, например, выйти замуж без согласия родителей и голосовать на выборах.

– Боюсь, самое сложное – это найти общий язык с остальными сестрами, – задумчиво произнесла Эдда. – Мы совершенно не знаем, что они за люди. Никто из нас не лежал в больнице, и в нашем доме никогда не было медиков. Старшая медсестра посоветовала нам сбавить тон, и это не предвещает ничего хорошего. Она считает, мы им всем неровня – ни по социальному положению, ни по образованию. Но ведь мы никогда не страдали снобизмом – отец бы этого не допустил, особенно имея перед глазами такой пример, как мамочка. – Эдда вздохнула. – Но, к несчастью, люди судят о книгах по их обложкам.

Тафтс еще раз продемонстрировала свою осведомленность.

– Все сиделки из Вест-Энда и совершенно неотесанные тетки, – сообщила она.

– Теперь в нашем лексиконе не должно быть таких выражений, – осадила ее Эдда.

Тафтс порой просто несносна! Молчит-молчит, а потом вдруг огорошит.

– Я всегда считала, что салфетки сильно осложняют стирку, – весело заметила Китти. – Ведь рот можно вытереть и рукой, а если течет из носа – воспользоваться собственным рукавом.

– Очень верно подмечено, – поддержала ее Эдда. – Придется пользоваться перевязочным материалом, столовые салфетки здесь явно не в чести. И советую перейти на мужские носовые платки. Никакого кружева и прочих штучек. От женских платочков и впрямь мало толку.

Китти громко откашлялась.

– У меня, конечно, бывают срывы, но я не трусиха. И никакие вест-эндовские тетки не заставят меня отступить. Я не помешана на медицине, как Эдда, но, может быть, со временем я до нее дорасту.

– Браво, Китти! – воскликнула Эдда, захлопав в ладоши.

На ее глазах Китти прощалась с детством. Интуиция подсказывала Эдде, что здесь Китти оживет. После Мод обитательницы Вест-Энда покажутся ей ангелами.

– Я уже давно не мечтаю о карьере врача, – ответила она Китти, слегка обеспокоенная ее сочувствием. – Стать медсестрой гораздо разумнее, а при современной системе обучения мы уже не будем невежественными сиделками, которые только и умеют, что заматывать пациентов в бинты. Я как старая полковая лошадь – запах эфира заставляет меня ржать и бить копытами. В больнице я возвращаюсь к жизни!

– Кстати, о копытах. Джек Терлоу знает, что ты намерена стать медсестрой? – коварно поинтересовалась Тафтс.

Дротик пролетел мимо цели.

– Конечно, знает, – усмехнулась Эдда. – И это не разбило ему сердце, как, впрочем, и мне. Его гораздо больше беспокоит, как без меня прогуливать Фатиму. Теперь я буду заниматься верховой ездой самостоятельно.

– Если у тебя останется Тамберлина, – сказала Грейс. – Отец ничем не обязан Джеку Терлоу, который даже не ходит в церковь.

Лицо Эдды омрачилось, и Китти с готовностью ринулась ей на помощь:

– Заткнись, Грейс! Это не для обсуждения! Кстати, Эдс, почему ты так любишь ездить верхом?

– Садясь в седло, я отрываюсь от земли и становлюсь выше, – серьезно объяснила та. – В этом все дело. Верхом я могу смотреть на мужчин свысока.

– Как бы я хотела быть высокой, – вздохнула Китти.

Дверь в коридор со стуком распахнулась, и на пороге возникла сестра Бейнбридж, возмущенно обратившаяся к своим подопечным:

– Что это значит? Вы даже не начали распаковывать чемоданы!

* * *

Городская больница Корунды, самая большая в Новом Южном Уэльсе, была рассчитана на 160 коек, к ней же относилась психиатрическая лечебница, где содержалось 80 человек, и дом для инвалидов и престарелых в долине Дубара, где климатические условия были особенно благоприятны. Внешним видом она похвастаться не могла, поскольку более всего походила на армейские казармы. На известняковом фундаменте были возведены длинные деревянные постройки с широкими крытыми террасами, присутствие которых не давало назвать эти строения сараями. Мужские отделения были в два раза длиннее, чем женские. Детское отделение, поликлиника, рентгеновский кабинет, операционная, кухня и склад тоже были представлены в дереве, в то время как административное здание, выходящее фасадом на Виктория-стрит, было выстроено целиком из известняковых блоков. Обширная территория больницы была заставлена разнокалиберными домишками – от игрушечного коттеджа старшей медсестры до бараков, построенных во время войны, когда здесь располагался военный госпиталь. У этого участка было одно неоспоримое преимущество – на всей своей протяженности он был абсолютно ровным. Это позволило соединить все здания крытыми переходами, которые паутиной оплели всю территорию больницы. Здесь их называли дорожками. Часть из них представляла собой настил с крышей на столбах, как тот, что вел к домику, где поселили сестер Латимер, другие имели еще боковое ограждение. Переходы, примыкавшие к мужским и женским отделениям, были закрыты с боков и использовались как приемные покои. Там же ждали и те, кто приходил проведать детей. Родильному отделению повезло больше – оно находилось в административном здании вместе с травмопунктом и небольшой операционной.

При первом же столкновении с больничными реалиями сестры Латимер пережили столь сильный и болезненный шок, что, исходя из логики старшей медсестры, им следовало немедленно обратиться в бегство. Они были воспитаны как настоящие леди и никогда не сталкивались с прозой жизни, но при оценке их характеров Гертруда Ньюдигейт, чья молодость осталась в далеком прошлом, совершенно не учла таких факторов, как сила духа и целеустремленность.

Первое потрясение было вызвано тем, что сестры вдруг осознали: больница – это место, где пациентов отправляют на тот свет. Треть больных покидали больницу через морг, другую треть выписывали умирать домой. Эти статистические данные были предоставлены им меланхолически настроенным санитаром по имени Гарри, который стал их инструктором задолго до того, как они встретили своего официального преподавателя доктора Лиама Финакана.

– У этих больных обреченный взгляд! – в ужасе сообщила Тафтс. – У меня такое чувство, что мы просто провожаем их в мир иной – а здешние сиделки и в ус не дуют.

– Они давно ко всему привыкли и смирились, – объяснила Грейс, с трудом сдерживая слезы.

– Вздор! – возразила Китти. – Сиделки достаточно опытны и знают, как вести себя с больными – их надо убеждать, что они обязательно выздоровеют. Я стараюсь у них учиться, и совершенно не важно, как они к нам относятся. Смотрите и набирайтесь опыта!

– Китти права, – согласилась Эдда, оставив свое возмущение для более вопиющих случаев типа резаных газет вместо туалетной бумаги и дырявых полотенец – неужели у больницы даже на это нет денег? – Грейс, не распускай нюни, сегодняшний лимит ты уже исчерпала.

– Сестра Вильсон плеснула на меня из таза, куда кого-то вырвало!

– Это потому, что ты продемонстрировала, как тебе противно. Не показывай своего отвращения, и ничего подобного не случится.

– Я хочу домой!

– И не думай, маленькая свинка! – ответила Эдда, стараясь скрыть свое сочувствие. – Иди и смени фартук, пока не просочилось на платье. Фу! Ну и несет же от тебя!

В таком духе прошла первая неделя. К концу ее они научились облачаться в свои накрахмаленные «картонки» и воздвигать на головах складчатые сооружения, напоминавшие птичьи крылья. Другие сиделки носили более гуманную форму, которая предусматривала даже короткие рукава, но практикантов нового типа следовало запаковывать, как посылки.

Еда для больных и медперсонала была одинаково мерзкой, но девушки так уставали на работе, что их не смущала ни водянистая капуста, ни комковатая жирная подливка. Сестра Бейнбридж с самого начала предупредила их, что в кухне разрешается только кипятить воду, чтобы выпить чаю, кофе или какао.

– И больше ничего, даже тостов, – строго заявила она.

Пастор оберегал дочерей, не посвящая их в детали, связанные с погребением умерших, а такие слова, как «инцест», «сифилис» и «половые извращения», были полностью исключены из их лексикона. Жаркий климат и отсутствие холодильников вынуждали держать покойников в закрытых гробах. Поэтому когда на второй день практики сестра Бейнбридж показывала девушкам, как подготовить к погребению труп, они впервые в жизни увидели мертвое тело.

– Сифилитик, изнасиловавший свою сестру, – пошутила Бейнбридж.

Ответом ей были лишь недоуменные взгляды.

– Не роняйте своего достоинства, – яростно прошептала Эдда, когда сиделка удалилась, посмеиваясь над их неосведомленностью. – Помните, что мы Латимеры, и ничто не может нас согнуть. Не давайте им одержать верх. Никакого хныканья и всяких там депрессий.

От страшной усталости у них постоянно ныло и болело все тело – ноги, спина, суставы. Все, чему учила их амбициозная Мод, пришлось забыть. В больнице для всякого рода излишеств не было ни условий, ни времени. Ее главный врач был редкостным скрягой, не склонным потакать даже самым скромным потребностям и одержимым идеей экономии денег, к которым он присасывался, словно пиявка к полнокровной плоти.

Апрель, май и июнь прошли в тумане изнеможения, которое сыграло в пользу больницы. Даже у Грейс не было сил помышлять о бегстве – такая цель казалась им недоступной, как Эверест. Девушки просто терпели и выживали.

Эдда старалась сплотить сестер, в душе она была уверена, что все обязательно изменится к лучшему, и прошлое давало тому примеры. Решающим фактором, удерживавшим их на посту, было отопление, которое отсутствовало у них дома. Зимой так славно жить в тепле, перед этим бледнеют все тяготы больничной жизни. Главное – не спасовать перед безжалостным окружением, и тогда их обязательно ждет награда в виде мягких стульев, горячих тостов и чуть большего количества доброты. Скоро начнется теоретический курс, и тогда наконец появится спрос на их мозги. К концу практической подготовки сестры уже мало чем отличались от обитательниц Вест-Энда.

Теоретический курс для сиделок нового типа должен был читать доктор Лиам Финакан, больничный патолог (и одновременно главный судмедэксперт Корунды). На эту миссию он согласился по двум причинам: во-первых, уровень интеллекта больничных сиделок приводил его в отчаяние, во-вторых, он был поражен усердием практикантов, сновавших по больнице в рамках наскоро скроенной подготовительной программы.

Лиам Финакан, протестант из Ольстера, окончил медицинский колледж Святого Варфоломея, где в то же самое время училась Гертруда Ньюдигейт, так что знакомы они были давно. Любовь к патологии свела его с сэром Бернардом Спилсбери, в результате чего его квалификация возросла настолько, что он с легкостью мог претендовать на место главного патолога в любой больнице Сиднея или Мельбурна. Но он выбрал Корунду, потому что там жила Эрис, на

которой он женился в Лондоне. К тому времени, когда сестры Латимер появились в больнице, доктор Финакан трудился там уже пятнадцать лет.

Как и большинство патологоанатомов, он был тих, застенчив и не умел обращаться с больными, считая покойников более интересными объектами. Тем не менее в середине июля после двухнедельного общения с юными стажерками Лиам Финакан открыл новую сторону своей натуры, доселе не известную никому, включая его самого. Из ментальной конюшни был выведен боевой конь, а из затянутой паутиной кладовки извлечены рыцарские доспехи. Оседлав первого и облачившись во вторые, Лиам с копьем наперевес поскакал навстречу противнику, в роли которого он видел отнюдь не скупердяя Фрэнка Кэмпбелла. Его жертвой стала старшая сестра Ньюдигейт.

– Герти, ты совершенно не помогаешь этим девушкам и не оказываешь им никакой поддержки, – заявил он с металлом в голосе. – Стыдись! Когда сюда приходят обычные сиделки, они попадают в компанию себе подобных. Все эти женщины из Вест-Энда, и они всячески опекают своих новых коллег. А эти четыре очутились в полной изоляции, и им даже не к кому обратиться. И не говори мне, что ты сама здесь недавно. Поддерживать новеньких – твой долг, которым ты самым бессовестным образом пренебрегаешь, потому что их присутствие не нравится вест-эндскому большинству. Думаешь, я забыл, как ты ворчала и жаловалась, что тебе на шею вешают стажерок? И что же? Сейчас середина июля, а ты продолжаешь делать вид, что их не существует. Поселила их в какой-то развалюхе, поставила над ними эту толстую ленивую корову Марджи Бейнбридж и в награду отвела ей в том же доме целую половину.

Глаза доктора, потемневшие, как море во время шторма, метали в Гертруду сердитые молнии. Он предложил:

– Твои практикантки работают до изнеможения. А их жилье вполне в духе Фрэнка Кэмпбелла – жесткие стулья и солдатские койки. Кухней им пользоваться не разрешают. По счастливой случайности их дом отапливается, так что они хотя бы не мерзнут. Но им самим приходится колоть дрова и топить котел, чтобы иметь горячую воду, а это уже слишком! Ты меня слышишь? Это преступно! Несмотря на свое происхождение, они были воспитаны в скромности – тебе повезло, что их мать эгоистичная стерва.

Положив ладони на безупречный стол медсестры, доктор вперил в нее грозный взгляд.

– Я еще поговорю с Фрэнком Кэмпбеллом на эту тему и надеюсь на твою полную поддержку, Герти. Каждая из девушек должна иметь отдельную спальню. Им также следует выделить общую комнату с креслами, столами и полками для книг, чтобы они могли там заниматься. Разреши им готовить на кухне и проследи, чтобы к весне у них был ящик со льдом. Оторви зад от стула и обеспечь им нормальные условия! Пусть Марджи Бейнбридж присматривает за ними, ради бога, но роскошествовать ей совсем не обязательно. Я слышал, для медсестер собираются построить новый дом, но пока его нет, я хочу, чтобы мои подопечные жили в человеческих условиях.

Гертруда Ньюдигейт выслушала его до конца, но разделить ответственность за скаредность Фрэнка Кэмпбелла оказалась явно не готова.

– Сам воюй с этим типом, – холодно проговорила она. – А я уже сыта по горло.

– Вздор! Вам с Фрэнком меня не запугать. Герти, ты только подумай! Эти девушки достойны лучшего! Разве стоит терять четырех потенциальных медсестер ради того, чтобы ублажить шайку невежественных сиделок, которые не могут отличить натрия от калия? И ни черта не разбираются в медицинских терминах, хоть им кол на голове теши. Направь свою энергию в нужное русло и постарайся убедить этих теток, что современная медицина требует грамотного персонала. Надо идти в ногу со временем!

К Гертруде вернулось ее обычное самообладание. Она отлично поняла доктора, но его претензии показались ей необоснованными. Слишком недолго пробыла она в больнице, чтобы

по-настоящему оценить, какую опасность таит невежество здешних сиделок. В отместку она выпустила в него отравленную стрелу.

– Как поживает твоя жена? – участливо спросила она.

Но доктор был неуязвим для подобных выпадов.

– Флиртует, как обычно. Горбатого могила исправит.

– Ты должен с ней развестись.

– Зачем? Я же не собираюсь снова жениться.

Для сестер Латимер доктор Финакан был лучом света в непроглядной тьме, и они искренне полюбили его. Обнаружив их незаурядные способности и отменную подготовку, он с энтузиазмом отдался преподаванию и был поражен уровнем девических познаний в области математики и физики, позволявшим им разбираться в таких сложных вещах, как электричество и теория газов. Его слушательницы не уступали мужчинам с медицинским дипломом. Все новое они схватывали с поразительной быстротой. Даже у Грейс было достаточно соображения, чтобы справляться с теорией, но ей мешало отсутствие интереса. И хотя в разговоре с сестрой Ньюдигейт речь шла о «четырех потенциальных медсестрах», точнее было бы говорить о трех, ибо Грейс явно не горела желанием становиться дипломированной медсестрой.

Любимицей доктора была Тафтс, которую он неизменно называл Хизер. Конечно, Эдда была умнее и одареннее, но патологоанатом Лиам обожал порядок, логику и методичность – а уж в этом Тафтс не было равных. Из Эдды мог получиться блестящий хирург, а Тафтс была прирожденным патологоанатомом, дотошным, упорным и усидчивым. Их симпатии были взаимными. Ни мужская импозантность хирурга Эриха Герцена, ни кипучее обаяние главного акушера Неда Мэсона не шли ни в какое сравнение с магнетизмом доктора Финакана с его чуть седоватой шевелюрой, узким изящно вылепленным лицом и серо-голубыми глазами. Это отнюдь не означало, что Тафтс, вообще не склонная к романтике, грезила о нем по ночам. Просто он нравился ей как личность, и ей доставляло удовольствие находиться в его обществе. Уважая особенности ее характера, сестры никогда не поддразнивали ее по поводу мужчин, тем более когда дело касалось доктора Финакана. В натуре Тафтс было что-то монашеское, хотя обликом она ничуть не напоминала Христову невесту.

Факел, которым Лиам опалил старшую медсестру, стал своего рода эстафетной палочкой. Гертруда Ньюдигейт припекла им сестру Бейнбридж, которая, в свою очередь, подпалила Лину Корриган, неформального лидера сиделок, а та распространила пламя на все вест-эндское сообщество. Ожоги не проходили долго.

Жилище практиканток претерпело самые радикальные изменения – его расширили и вылизали до хирургической чистоты. Теперь у каждой из сестер была собственная спальня, в общей гостиной появились мягкие кресла, столы и даже радиоприемник, на кухне стало возможно готовить, к двум ванным срочно подвели горячую воду, для чего была вырыта отдельная траншея. Санитар Гарри ежедневно забирал их форму для стирки, а шкафы в кухне были набиты печеньем, банками с джемом, бутылочками с соусами, чаем, кофе с цикорием, какао-порошком, экстрактами для приготовления прохладительных напитков и черносмородиновой настойкой. Но все это бледнело по сравнению с большим ящиком со льдом, где могли поместиться и яйца, и бекон, и масло, и колбаса.

– Наверное, я уже умерла и нахожусь на небесах, – вздохнула Грейс.

Совершенно неожиданно сестру Бейнбридж выселили в отдельный маленький домик по соседству. Но перед уходом она успела поделиться со своими подопечными секретом английской соли. Если бросить ее в таз или ванну с горячей водой, она мгновенно снимает боль в уставших членах. И как только они раньше без нее обходились?

– Теперь, вероятно, на небо попала я, – заявила Эдда. – Мои ноги просто как новые.

И хотя признание среди сиделок старой закалки пришло к ним очень нескоро, их явная враждебность резко пошла на убыль. Какой смысл метать стрелы, если мишени все равно целы?

– Это началось в середине июля, – заметила Эдда на исходе сентября, когда вокруг зажелтели моря нарциссов. – Кто-то явно за нас заступился – но кто?

Их догадки охватывали широкий круг лиц, от заместительницы старшей сестры Энн Хардинг до самой безобидной из сиделок Нэнси Уилсон. Но никто из девушек, включая Тафтс, не заподозрил доктора Лиама Финакана, который с удовольствием наблюдал, как расцветают его протеже в достойной их обстановке.

– Первая мировая война способствовала значительному прогрессу в хирургии, но в лечении болезней серьезных сдвигов не произошло, – начал доктор Финакан свою очередную лекцию. – Безжалостные убийцы продолжают свое черное дело, выкашивая огромное количество людей – это прежде всего пневмония и сердечно-сосудистые болезни. И вам, девушки, предстоит сделать огромный вклад в лечение пневмонии. – Он поднял брови, и глаза его заискрились. – Не верите? А дело вот в чем. Власти предержащие наконец осознали, что хорошо обученная, квалифицированная медсестра может обеспечить по-настоящему эффективный уход за больными. Имея достаточные познания в анатомии и психологии, она не ограничится выносом суден и заправкой постелей. Нет, она будет постоянно теребить больного, чтобы он не лежал, как тряпичная кукла, а хотя бы немного двигался, вселит в него надежду на выздоровление, объяснит ему простым языком – чего никогда не делают врачи, – чем именно он болен, и никогда не оставит его без внимания, даже если будет занята по горло. Пневмонию лечит прежде всего постоянная забота и грамотный медицинский уход.

Практикантки жадно внимали доктору, все более проникаясь убеждением, что для подобной миссии сиделка должна быть основательно подкована в медицинских науках.

– Вот в этом и заключается главная проблема наших вест-эндских коллег, – сказала Эдда своим сестрам, когда они заправлялись бутербродами с колбасой на своей теплой кухне. – Они живут дома, тянут семью и хозяйство, едва умеют читать и писать и владеют лишь самыми примитивными навыками ухода. Некоторые становятся отличными сиделками, но для большинства это просто не слишком приятная работа. Если больного пневмонией требуется размять, заставить двигаться или откашляться, все будет зависеть от занятости или добросовестности сиделок и благосклонности дежурной медсестры. Под этим нет никакой теоретической основы.

– Ну, это точно не про нас, – мрачно процедила Грейс. – У меня голова пухнет от всех этих болезней и медицинских терминов.

– Да полно тебе, Грейс. Голова у тебя пухнет от того, что ты наконец используешь ее по назначению, вместо того чтобы читать журналы и обмирать по Рудольфо Валентино.

– А мне нравится учиться, – заявила Тафтс, на секунду оторвавшись от «Анатомии» Грейса.

– Если насажаешь на книжку жирных пятен, устрою тебе головомойку, – пригрозила Эдда.

– Когда это я портила книжки?

Их занятия не прерывались ни на один день. Доктор Финакан был неутомим.

– Чтобы убить большинство микробов, достаточно и щепотки перца. Мы уже хорошо их изучили и знаем, как с ними бороться. Но только не тогда, когда они проникли в наш организм. Бациллы, находящиеся в тканях, как в случае с пневмонией, для нас неуязвимы. Мы можем разглядывать их в микроскоп, но никакие лекарства, вводимые перорально или посредством инъекций, не в состоянии их убить.

Он посмотрел на Тафтс – вот она, идеальная медсестра!

– Как главный судмедэксперт Корунды, я обязан проводить вскрытия, то есть хирургическое рассечение тел умерших. Вы будете изучать анатомию и физиологию в морге. Если

попадется покойник без родственников и друзей, я вскрою все его тело, чтобы вы в подробностях изучили системы организма – например, лимфатическую, сосудистую, пищеварительную. Будем надеяться, что в морг попадет достаточное количество нищих. Обычно с этим не бывает проблем.

Он строго посмотрел на практикантов.

– И прошу вас запомнить! Умерший, которого мы вскрываем, является творением Господа, каким бы ничтожным он ни был при жизни. Эти люди были живыми, частью Божьего промысла. Любое человеческое существо имеет право на уважение даже после смерти. Сестра Латимер, вы должны помнить, что желания пациентов для вас не менее важны, чем ваши собственные. Сестра Тридби, имейте в виду, что не все дети ангелы ни по характеру, ни по поведению. Сестра Скоуби, знайте, что бывают случаи, когда не работают даже самые испытанные приемы. А вам, сестра Фолдинг, я хотел бы указать, что даже самые отвратительные проявления болезней созданы Богом. – Доктор усмехнулся. – Нет, я не религиозен, как ваш отец, уважаемые леди, для меня Бог – это совокупность всего, что было, есть и будет.

Хороший человек – таков был вердикт Эдды, горячо поддержанный Тафтс. Китти решила, что он несколько резковат, а Грейс посчитала его вестником судьбы, обрекающим ее на каждодневную грязь и малоприятные процедуры.

Одно утешало: о том, что они близнецы и сводные сестры, не знал никто, кроме старшей медсестры, доктора Кэмпбелла и Лиама Финакана. Между домом пастора и городской больницей пролегала глубокая пропасть.

По мнению Эдды, ни один мужчина даже в подметки не годился Джеку Терлоу, с которым она повстречалась на конной тропе, когда ей было семнадцать. Под ним была высокая породистая лошадь, серая в яблоках с черной гривой и таким же хвостом. Эдда, восседавшая на толстой старой Тамберлине, могла о такой только мечтать, прекрасно понимая, что ничего подобного ей не светит.

Она до сих пор помнила этот день: был конец осени, и с плакучих ив летели желтые листья, похожие на маленькие дротики. Вода в реке была прозрачной, как стекло, ее блестящая лента уходила к горному перевалу, чьи округлые вершины теснились к востоку от Корунды, закрывая собой горизонт. Волшебный мир пронзительных ветров, далекого дыхания снегов, острого запаха земли, неба с барашками облаков…

Эдда увидела всадника сквозь поникшие ветки ив, когда он легким галопом спускался по тропе. Он отлично держался в седле, его загорелые мускулистые руки небрежно придерживали поводья, уроненные на шею лошади. Похоже, они давние друзья, подумала Эдда, съезжая с тропы, чтобы пропустить незнакомца. Интересно, он проедет мимо, проигнорировав ее присутствие, или все же остановится, чтобы поприветствовать собрата-наездника?

День был пасмурным, и мужчина ехал с непокрытой головой. Замедлив шаг, он поднял руку ко лбу, словно хотел приподнять шляпу. Не кинозвезда, конечно, но Эдде он показался гораздо привлекательнее, чем эти манерные господа со слоем грима на лицах, накрашенными ресницами и ярко-красными губами. Типичный уроженец здешних мест и вдобавок очень интересный. Продемонстрировав хорошие манеры, незнакомец остановился и, соскочив с лошади, помог спешиться Эдде, хотя она в этом ничуть не нуждалась.

– Этой старушке пора на покой, – представившись, заявил он и похлопал Тамберлину по морде.

– Да, конечно, но с тех пор как отец ездит на машине, у нас не осталось других лошадей.

– Предлагаю вам обмен.

Эдда удивленно распахнула светло-серые глаза:

– Обмен? Мне?

– Ну, не лично вам, а пастору. Мой домашний загон слишком мал для молодой резвой лошади, а для вашей старушки будет в самый раз. Я забираю ее себе, а взамен даю вам четырехлетнюю кобылу Фатиму, но с условием, что вы будете регулярно на ней выезжать. Ей нужно двигаться, – объяснил Джек, вынимая сигарету.

– Если отец согласится, я готова меняться хоть завтра! – воскликнула Эдда, не веря своему счастью. Крепкая молодая лошадь для прогулок и зеленый загон для Тамберлины! Только бы папочка согласился!

Джеку Терлоу только что исполнилось тридцать. Он был высок и хорошо сложен. Густая золотистая шевелюра, мужественное лицо, голубые глаза и решительный взгляд – одним словом, Бердам с головы до ног.

– Я наследник старика Бердама, – мрачно сообщил он.

У Эдды перехватило дыхание.

– Вас, кажется, это не радует? – засмеялась она.

– Какая, к черту, радость! Что мне делать с этими деньжищами и всем прочим? – фыркнул он, словно деньги и власть были чем-то на редкость отвратительным. – Я с восемнадцати лет управляю поместьем Корундубар, которое принадлежит старику, и это все, что мне надо. Овцы приносят стабильный доход, а мои арабские скакуны уже получают призы на самых престижных скачках. Все остальное меня просто раздавит.

«Парень без особых амбиций», – подумала Эдда, еще не оправившаяся от известия, что путь в медицину для нее закрыт. Если бы старик Бердам подарил ей 5000 фунтов на учебу, для его капиталов это был бы мизер, а его наследник не хочет ничего. Корундубар – это лишь 5000 акров прекрасной земли, а ведь у Тома еще много чего есть. «В какие круги мы теперь вхожи!»

Так началась их странная дружба, которая ограничивалась лишь конными прогулками вдоль реки. К удивлению Эдды, отец ей никак не препятствовал – он не возражал ни против дареной Фатимы, ни против неформального общения дочери с Джеком.

И тут, конечно, не обошлось без Мод. Когда возмущенный пастор сообщил ей, что Джек Терлоу имел наглость подкатиться к его невинной дочери и предложить ей Фатиму в обмен на Тамберлину, о чем и речи быть не может, так же как и о дальнейших конных прогулках, в ее голове моментально сработал арифмометр, который стал быстро производить подсчеты.

– Какая чепуха! – воскликнула она, пораженная глупостью мужа. – Мы сегодня же вечером поедем в Корундубар, Томас, и поблагодарим Джека Терлоу за любезное предложение. Какими же глупыми могут быть мужчины! Парень из рода Бердамов, очень неплохо устроен и к тому же единственный наследник старого Тома. Ты должен Бога благодарить, что Он послал его Эдде! Если повезет и мы немного постараемся, она в ближайшие три года станет его женой.

Эту тираду слышали сестры и в течение трех последующих лет неоднократно возвращались к ее обсуждению. Объект этой интриги – Эдда не слишком переживала на этот счет. Ей было достаточно Фатимы и нового друга. Но вот чувствительную Китти такой неприкрытый расчет поверг в ужас. Если Мод так поступает с Эддой, в отношении которой она не строила особых планов, что же она будет творить, когда придет очередь Китти?

Ни о чем, кроме дружбы, здесь и речи быть не могло. Девственность была в цене, и дочки пастора воспитывались в уверенности, что любой приличный мужчина вправе ожидать, что его невеста не потеряла невинности до брака. Внебрачная беременность считалась самым тяжким грехом.

Тому были серьезные причины, и пастор счел необходимым разъяснить их своим дочерям.

– У мужчины есть только один способ удостовериться, что он является отцом своих детей, – сообщил пастор своим дочерям, когда им исполнилось пятнадцать. – Невинность жены

в день свадьбы и ее верность в браке. С какой стати мужчина должен давать пищу и кров чужим детям? Ветхий и Новый Заветы требуют соблюдать целомудрие и супружескую верность.

В дальнейшем Томас Латимер неоднократно повторял эту проповедь, хотя невинность дочерей в большей степени гарантировалась тем фактом, что ни одна из них, включая Эдду, не горела желанием пуститься во все тяжкие.

Несмотря на все свои достоинства, Джек Терлоу не заставил Эдду потерять голову, как, впрочем, и любой другой мужчина из тех, кого она встречала раньше. Зная о своей способности покорять мужские сердца, она ждала, когда заговорит ее собственное. Но этого так и не произошло. Склонная во всем винить себя, Эдда решила, что просто не способна на глубокие чувства. «Видно, я холодная натура, – рассуждала она, – раз никто меня не волнует. Все эти поцелуи для меня ничего не значат. А обжимания в темных углах, когда приходится бить по рукам, чтобы тебя не хватали за грудь? Ну что в этом хорошего?»

И все же она продолжала встречаться с Джеком Терлоу во время конных прогулок, мысленно благодаря его за сдержанность – он никогда не делал попыток обнять или поцеловать ее. Конечно, между ними существовало некое физическое притяжение, но они оба держали его под контролем.

Однако в январе 1926 года она сама поцеловала его.

В тот день, увидев Эдду, Джек пустил своего серого мерина в галоп и, быстро спешившись, дрожащими руками стащил ее с Фатимы.

Он весь трясся и не скрывал слез, что не помешало ему схватить Эдду в охапку и, оторвав от земли, закружить в безумном суматошном танце.

– Нарисовался новый наследник! – сообщил Джек, опуская Эдду на землю. – Старый Том спустил меня с поводка! Сегодня в десять утра я стал официальным владельцем Корундубара и подписал отказ от всех других владений Тома. Я свободен, Эдда! Свободен!

Она не смогла удержаться и поцеловала его в губы, поздравив таким образом с радостным событием, однако поцелуй этот длился несколько дольше, чем того требовали приличия, грозя перерасти в нечто более серьезное и глубокое. Но Джек вовремя отвернул залитое слезами лицо и сжал ее руки в ладонях.

– Я так за тебя рада, – хрипло сказала Эдда, и на лице у нее появилась улыбка.

– Эдда, сбылась моя мечта!

Джек вытащил платок и вытер глаза.

– Корундубар – превосходная собственность, и размер у нее в самый раз. Там нет проклятых рубинов, так что капиталы и власть мне больше не грозят. – Усмехнувшись, он взъерошил ее короткие волосы, чего она терпеть не могла. – А то я просто не знал, куда деваться – ведь ты через три месяца отправляешься в свою больницу, и наши прогулки придется прекратить. Я даже подумывал податься на запад, чтобы разводить мериносов. И вдруг такой сюрприз!

– Я смогу выезжать в свои выходные, – сообщила Эдда.

– Это меняет дело.

Старик Бердам наконец нашел подходящего наследника, и все с нетерпением ожидали, когда его привезет сиднейский или мельбурнский поезд. Но он так и не появился, а старина Том никак не комментировал его отсутствие.

Сведения о нем были крайне скудны и отрывочны и никак не могли удовлетворить аппетиты местных сплетниц.

Самой предприимчивой из них оказалась Мод, у которой, по счастью, успели созреть ранние яблоки. Набрав целую корзину, она отправилась к Тому и Ханне Бердам. Там она пустила в ход все известные ей уловки, но результат оказался довольно скромным. Тем не менее она узнала достаточно, чтобы заморить червячка и пуститься на дальнейшие поиски информации.

От Тома и Ханны она узнала, что нового наследника зовут Чарлз Генри Бердам, ему тридцать два года, он родился и воспитывался в Англии и продолжает жить там сейчас. Наследство Тома для него не такое уж большое приобретение, поскольку он и сам достаточно богат. Том с гордостью сообщил, что парень хорошо известен на лондонской бирже, а Лондон, как известно, – мировая финансовая столица!

Вооружившись этими сведениями, Мод отправилась на станцию, чтобы сесть на ночной поезд Мельбурн – Сидней, куда она и прибыла в шесть часов утра. Позавтракав на Центральном вокзале, она устремилась в публичную библиотеку и стала дожидаться ее открытия. Там, в читальном зале, она наконец выяснила массу подробностей о Чарлзе Генри Бердаме. Да, в предприимчивости этой даме было не отказать!

Чарлз Бердам был богат, но не лишен альтруизма – он посвятил себя медицине и занимал должность заместителя главного врача Манчестерского королевского лазарета. Очень престижное место! Похоже, в его медицинской карьере не последнее место сыграли деньги. Мод перерыла все что можно: биографические словари (Итон, Бейллиол, Гайс), толстые подшивки газет, желтую бульварную прессу, журналы светских новостей, журналы поскромнее и совсем уж сомнительные журнальчики, которые балансировали на грани нарушения закона о диффамации. Все они дали неплохой навар – доктор Чарлз Бердам был весьма заметной фигурой.

В 1925 году он обручился с единственной дочерью герцога. Это скандальное событие подробно обсуждалось всеми бульварными газетами по обе стороны Атлантики, поскольку доктор Бердам, несмотря на все свои деньги и обширные поместья в Ланкашире, был, с точки зрения герцога, неподходящей партией для его дочери. Когда на первой странице News of the World появилась фотография Сибиллы, отплясывающей чарльстон с Чарлзом Бердамом на какой-то подозрительной вечеринке, герцог срочно изъял свою дочь из жизни Чарлза. Заинтригованная Мод быстро выяснила, что Сибилле было всего семнадцать и она во всем зависела от отца. Но любовь была так сильна, что парочка пустилась в бега, но была поймана, после чего Сибилла исчезла с лица земли. Пронырливый французский фотограф ухитрился сфотографировать дочь герцога, печально сидящую на лоджии их виллы на Ривьере. На следующей фотографии она уже была в подвенечном наряде и сочеталась законным браком с женихом, которого подыскал для нее герцог: потомок Вильгельма Завоевателя по женской линии, рост шесть футов четыре дюйма, владелец чуть ли не всего Камберленда и Нортумберленда, а со стороны отца – в близком родстве с Ганноверским королевским домом.

Единственное, чего не нашла Мод, так это приличной фотографии денежного доктора. Черно-белые снимки не давали ответа на самый животрепещущий вопрос – хорош он собой или нет; на них лишь было видно, что у него есть нос, рот, глаза и копна светлых волос. Фотографии в компании других мужчин давали понять, что он не слишком высок… Ну и прекрасно, подумала Мод, долговязый парень для Китти не подойдет.

Мод с удовольствием разнесла на хвосте нарытые сведения, благоразумно умолчав о своих планах относительно Китти. Рано или поздно Чарлз Бердам явится проинспектировать свое колониальное наследство, причем наверняка в холостом качестве – после сокрушительного фиаско с дочерью герцога полученные раны заживут не скоро. Китти же, целиком поглощенная медицинской практикой, к этому моменту сохранится в нетронутом виде. Все складывается как нельзя лучше! Эдда выйдет замуж за Джека Терлоу, Грейс выскочит за какого-нибудь жалкого неудачника, зарабатывающего на жизнь своим собственным трудом, а Тафтс станет для них главной помощницей, незамужней сестрой, помогающей растить родившихся детей.

Мод ничуть не сомневалась, что все произойдет именно так. Бог поможет осуществить все ее замыслы – ведь им руководит прежде всего разум, иначе зачем он тогда сотворил Мод?

* * *

В любом новом деле труднее всего даются первые полгода. Эту мантру сестры Латимер повторяли вплоть до самого конца 1926 года, когда с удивлением обнаружили, что вся их компания сумела выжить, не исключая слабую духом Грейс.

«Жаль только, что мы находимся в полной изоляции, – часто думала Тафтс. – Здесь все разделены на касты: нам не разрешают общаться с докторами или обслугой, а сестры внушили сиделкам, что мы не их поля ягода, а лишь предвестницы новых больничных порядков. Я не могу подружиться с санитарами Гарри и Эрни, не могу сидеть в столовой в компании сиделок, а если в палате появляется доктор, меня срочно отсылают разбирать грязное белье или драить судна. Я нахожусь на определенном уровне, выше или ниже которого мне доступ запрещен. О каком товариществе может быть речь, если персонал больницы не может общаться между собой просто по-дружески? А ведь наши яростные враги могли бы извлечь пользу от общения с нами. Я бы с удовольствием поделилась с Линой Корриган, Нэнси Уилсон и Морин О'Брайен своими знаниями по химии и физике, чтобы они были в курсе, что вода имеет три состояния, а йод является химическим элементом. Но они не желают учиться, ведь признаться в своем невежестве для них означает потерпеть поражение в той нелепой войне, которую они нам объявили. И как прикажете им вдолбить, что только знания могут вывести их из нищеты и жалкого подчинения?»

– Сиделки убеждены, что если мы будем вариться в собственном соку, то рано или поздно располземся по всем швам, – сказала Эдда. – И когда они наконец очнутся?

В канун Рождества сестры одевались, чтобы пойти в церковь. За всю их практику это было первое воскресенье, когда все четверо были свободны. После службы они собирались пойти домой, где их ждал праздничный обед. В августе Тафтс и Китти исполнилось девятнадцать, а в ноябре Эдде и Грейс – двадцать один. Это никак не отмечалось, и поэтому сегодняшний обед был особенным.

Проверив швы на своих шелковых чулках, Грейс подняла глаза на Эдду.

– Сиделки не знают, что мы родные сестры, и не перестают удивляться нашим теплым отношениям.

«Какая она эффектная! – думала Грейс, глядя на сестру. – Почему я не могу так выглядеть? Все дело в манере двигаться, плавно и волнующе, посадке головы, чуть заметной загадочной улыбке. И красный цвет ей очень идет, причем любого оттенка».

Сегодня Эдда была в ярко-красном платье из плотного крепа, которое свободно ниспадало вниз, подчеркивая все достоинства ее фигуры. Голову украшала плоская шляпка с волнистыми полями, кокетливо сдвинутая набок. Наряд дополняли черные туфли, сумочка и перчатки.

– Ты отлично выглядишь, Грейс, – вдруг сказала Эдда, словно прочитав мысли сестры. – Кружева просто потрясающие. На кремовом крепе они смотрятся как рисунок на крыльях бабочки. Прямо в стиле Обри Бердслея.

Грейс просияла. Натягивая длинные лайковые перчатки, она спросила:

– А как тебе моя шляпка?

– Само совершенство. Словно сложенные крылышки с черной каймой.

Группа сиделок с недовольством наблюдала, как сестры Латимер выходят на Виктория-стрит. Лина Корриган нахмурилась. Просто непостижимо, как после восьми месяцев полной изоляции девушки не переругались друг с другом. Выглядят на миллион долларов, смеются, шутят, сразу видно, что всем довольны и счастливы, а это уже совсем непонятно.

– Неужели все дело в образовании? – недоумевала Лина.

– А при чем здесь оно?

– Не знаю, Нэнси, но что-то в них такое есть, – вздохнула Лина. – И мне они начинают нравиться. Особенно эта Латимер. Прямо королева, но ничуть не задается.

– Да они все не задирают нос, – уточнила Морин. – Даже эта белобрысая Тридби.

Сиделка Корриган отошла от окна.

– Знаете что, девочки? Я сыта по горло этой войной. Им и двадцати нет, но не успеешь оглянуться, как они получат официальное свидетельство. Сдается мне, нам пора нажать на наших мужиков – вместо того чтобы дуть пиво, пусть потратят денежки на дочек, чтобы они выучились как следует. Это не я, это Скоуби так говорит.

Для Эдды, Тафтс и Китти больничная практика была всего лишь нелегким испытанием, но для Грейс она стала непрерывной мукой. Все дипломированные медсестры считались государственными служащими со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вест-эндские сиделки считались «наемными работниками» без каких-либо привилегий и стояли вровень с санитарами, уборщицами, посудомойками, машинистками и тому подобным подручным персоналом. Они могли быть замужними и считались относительно свободными. Государственные служащие женского пола не имели права выходить замуж, поэтому все медсестры были одинокими. Исключение составляли вдовы и разведенные, хотя у последних практически не было шансов быть допущенными к собеседованию. Поэтому разведенки выдавали себя за вдов и старались не показываться в компании мужчин. Многие медсестры жили на съемных квартирах, чаще всего парами, однако некоторым из них больница предоставляла казенное жилье на своей территории. Фрэнк Кэмпбелл предпочитал, чтобы бараки, оставшиеся со времен войны, не стояли пустыми, а приносили доход, пусть и очень скромный. Ведь медсестры были отличными квартирантками – ни детей, ни мужей, регулярно накачивающихся пивом.

О жертвах, принесенных на алтарь профессиональной карьеры, никто, кроме самих медсестер, никогда не задумывался: нерожденные дети, холодная постель, отсутствие стимулов в чисто женском окружении, нищая одинокая старость. Лишенные человеческих радостей, они с головой уходили в работу, пытались дружить с соседками по комнате, заводили случайные интрижки на стороне или в кругу себе подобных. Все это не лучшим образом отражалось на их характерах. Но что делать, приходилось играть по правилам. Если бы в те времена существовали женщины-судьи, получавшие жалованье от государства, их бы тоже ждала участь старых дев.

Больничные сутки делились на три смены – с шести утра до двух пополудни, с двух до десяти вечера и с десяти до шести утра. В каждой палате должна была постоянно дежурить медсестра, а в детском отделении – двое. Всего их было пятьдесят, если считать вместе с психиатрической лечебницей и домом для инвалидов и престарелых.

Некоторые медсестры, такие как Уна Робертсон из мужского отделения и Мэг Мултон из детского, дали о себе знать, едва практикантки переступили порог больницы. Другие же, как, например, заместительница старшей медсестры Энн Хардинг, долгое время оставались в тени. Сестра Мултон была просто лапочка, в то время как сестра Робертсон могла с легкостью перещеголять любую мегеру. Обе они были женщинами средних лет с намечавшейся поросльюна подбородках, расплывшимися талиями и увядшей кожей, но на этом их сходство кончалось. Всю свою любовь сестра Робертсон отдавала пациентам мужского пола, которые боялись ее, как огня, и те же чувства испытывали к ней доктора. Для Грейс она была страшнее самого дьявола.

– Фолдинг, куда вы несетесь? – осаживала сестра Робертсон суетящуюся Грейс. – Немедленно прекратите! Сиделка может бегать только в двух случаях – при пожаре или кровотечении.

«Но как тогда справляться со всей этой бесконечной морокой? – думала Грейс. – И зачем каждый день брить пациентов? Пятьдесят физиономий за смену, даже если это умирающие».

Надо сказать, большинство больных мужского пола полностью разделяли это мнение. Грейс как-то раз услышала, как возмущался один из пациентов:

– Сами попробуйте побриться, сестричка. Стаскивайте свою косынку, а я поскребу вас этой проклятой бритвой. Узнаете, каково это. Вы прямо хуже кайзера Вилли!

– Бедняга! – посочувствовала ему чуть позже Грейс, рассказывая об этом случае Китти. – Через пять минут сестра собственноручно засунула ему в зад громадную свечу, и он все утро провел в туалете. Еще хорошо, что он ходячий.

В их практике было множество забавных моментов, но и горестных было не меньше, так что весь 1926 год сестры привыкали держать себя в руках. Одни пациенты поражали своим мужеством, другие, наоборот, трусили и скулили. Но все они старались не задерживаться в больнице, даже если их никто оттуда не выставлял. И причиной тому была патологическая скупость главного врача, от которой страдали и врачи, и пациенты. Старые продавленные матрасы, ветхие заштопанные простыни, вытертые до дыр полотенца, кустарное едкое мыло, резаные газеты вместо туалетной бумаги и отвратительная еда, годящаяся разве что для скотного двора.

Более всего сестер поражало, как может их отец, наведывавшийся к своим подопечным ежедневно, не замечать того, что творит Фрэнк Кэмпбелл. Но нет, папочка с видом святого фланировал по палатам, улыбался, ободрял страждущих, оказывая им посильную духовную поддержку и совершенно не замечая их жалкого физического состояния. А между тем пребывание в больнице не было бесплатным. Даже самым бедным пациентам выписывали счета, что существенно затрудняло работу местных социальных учреждений: им приходилось изобретать различные поводы, чтобы освободить людей от платы, а это не всегда удавалось. Доктора были люди порядочные и консультировали бесплатно, но Фрэнк Кэмпбелл стремился содрать с пациентов за каждый клочок туалетной газеты.

Китти просто расцвела в больнице, особенно после того, как ее направили в детское отделение, где было множество ребятишек с различными костными проблемами: переломы, врожденные искривления бедренных костей, нагноения, нарушение плотности костей и рахит – болезни детей из бедных семей. Прикованные к постели, они, несмотря на боль, сохраняли детскую живость, а встав на ноги, и вовсе становились неуправляемыми. Но Китти это не смущало – она любила детей и наслаждалась общением с ними.

Мальчики и девочки до шести лет содержались вместе, а те, кто был старше, лежали в разных палатах. После четырнадцати их определяли во взрослые отделения. Зимой чаще встречались переломы, летом – желудочно-кишечные расстройства, но все пятьдесят коек были заняты круглый год, поскольку детям требовалось более длительное лечение. Здесь преподобный Томас Латимер был более чуток к нуждам пациентов – детей завалили игрушками и книжками, а палаты бесперебойно отапливались паровыми батареями, что не всегда соблюдалось в других местах. Бюджет больницы предусматривал единственного сантехника, который мог только мечтать о напарнике.

Китти была так поглощена работой, что совершенно не заметила, в какой момент исчезла ее депрессия. Возможно, она покидала ее тихо и незаметно, а в детском отделении окончательно сдала позиции. Возня с детишками явилась тем благодатным покровом, который согревал, успокаивал, придавал силы и отгораживал от суетных желаний. Она поняла, что мир полон страданий, по сравнению с которыми ее собственные кажутся просто смешными. Девятнадцать лет она была центром всеобщего внимания, а теперь вдруг очутилась на самой его периферии – здесь она никто и ничто. Китти так понравилось это перемещение, что она и думать забыла о своей красоте, о Мод и прежней жизни под родительским кровом. Даже самый несносный ребенок не мог нарушить ее внутренней гармонии. Китти наконец обрела свободу.

Она совершенно не замечала, что подобное преображение только добавило ее красоте притягательности. Пытаясь изолировать практикантку от назойливого внимания мужчин, старшая медсестра прибегла к последнему средству, отправив Китти в детское отделение.

– Проблема в том, что эта Тридби такая хорошая сиделка, что я просто не имею права ее потерять, – заявила старшая сестра Лиаму Финакану. – И надо сказать, она ни капли не кичится своей внешностью. Но мужчины при виде ее теряют головы, а женщины ее просто ненавидят и за красивое личико, и за ангельскую доброту.

– К счастью, в нашей больнице нет Париса, который мог бы похитить Прекрасную Елену, – усмехнулся Лиам.

– А ты почему к ней равнодушен, Лиам?

Доктор отбросил со лба волосы, которые обычно падали ему на глаза.

– Не знаю. Вероятно, мне не нравятся крашеные блондинки.

– К величайшему сожалению, волосы у нее натуральные! Возможно, чернота у корней несколько охладила бы наших молодых докторов.

– Тридби вполне устраивают дети, – примирительно сказал Лиам.

– Да, но она не может оставаться в детском отделении вечно.

– Ты права. Тогда сведи до минимума ее общение со взрослыми пациентами.

– Мэг Мултон просто обожает ее, она мне все уши прожужжала, как Тридби замечательно ухаживает за детьми. Эта девица просто светится от счастья в детских палатах и работает там, как лошадь.

– У каждого свои недостатки, Герти, – подытожил доктор Финакан.

Дрейфуя по палатам с улыбками, прыжками и танцевальными па, которыми она пыталась развеселить детишек, Китти продолжала делать открытия, удивляясь своей прежней слепоте. Раньше в глазах людей она была всего лишь красивой пустышкой, неспособной ни на что путное, но в больнице, и в особенности в детском отделении, все стало на свои места. Теперь у нее появилась цель, и она наконец почувствовала себя нужной.

Дети просто не оставляли времени для внутренних рефлексий. Только успевай поворачиваться: то Джимми Коллинз расковыряет незажившую болячку, то Джинни Джакометти расшалится так, что свалится с кровати, то вечно голодный Элф Смизерс съест целую коробочку цветных мелков.

– У него могла бы быть потрясающе радужная улыбка, но последними он съел черные – и все испортил! – сообщила Китти сестре Мултон.

Их разговор прервал громкий вопль – это был Барри Симпсон:

– Сестра, сестра! Я сделал каку в кровати!

– Прощай, простыня! – заметила Китти. – У Барри грандиозное пищеварение.

Но даже в детском отделении Китти доставали мужчины. Особенно настойчивым был врач-ординатор Нейл Крэншоу, который беззастенчиво пользовался своим служебным положением. Китти терпеть его не могла, но приходилось соблюдать внешние приличия.

– Как насчет ужина в «Парфеноне»? – поинтересовался он, наблюдая, как сестра Тридби справляется с последствиями детской неожиданности.

– Извините, сэр, но я занята.

– Но вы же не можете быть заняты каждый вечер, сестра.

– До июня двадцать девятого года могу.

– И что произойдет потом? – спросил доктор, прикидывая, как лучше к ней подъехать. Такая красотка! Он принял смиренно-восхищенный вид, несколько подпорченный откровенным вожделением, сквозившим в его взгляде.

– Я получу официальный диплом медсестры и смогу принимать приглашения на ужин, – с притворной скромностью ответила Китти. – А до тех пор я вынуждена все свободное время посвящать занятиям.

Он попытался настаивать, но тут появилась сестра Мултон, причем в полной боевой готовности, и доктор Крэншоу срочно ретировался.

– Спасибо, сестра, – поблагодарила Китти. – Неженатые доктора – такая головная боль, – заявила она сестрам чуть позже.

– Ты мне это говоришь, – фыркнула Эдда.

– Нейл Крэншоу и к тебе пристает? – спросила Тафтс, сгибаясь от смеха. – Он на днях пригласил меня отужинать в «Парфеноне». Так я уставилась на него, как ненормальная, скосила глаза и стала чмокать губами. Его как ветром сдуло.

– Имейте в виду, что в нашей лечебнице сливки Сиднейской медицинской школы не оседают. Они предпочитают столичные больницы, – заметила Эдда. – Я не хочу сказать, что у нас здесь полный отстой, но все они оставляют желать лучшего.

– Ну, где еще человек с внешностью Стэна Лорела сможет приобрести репутацию сердцееда? – вздохнула Тафтс.

– Крэншоу и вправду вылитый Лорел, – согласилась Китти.

– От него вечно несет дешевыми сигарами, – внесла свою лепту Грейс. – И потом он же рыжий. Мне вообще здесь никто из врачей не нравится. Воображают о себе бог знает что.

К счастью, доктор Крэншоу не слышал всех этих ремарок и не подозревал, что сестра Тридби, похожая на ангела с картины Боттичелли, обладает острым как бритва язычком. Поэтому он продолжал являться в детское отделение и досаждать Китти, тем более что в данный момент он работал посменно с доктором Деннисом Фарадеем, детским врачом, которого любила и уважала вся Корунда.

В городе свирепствовала дифтерия, борьба с которой осложнялась нехваткой резиновых трубочек, которые использовались для облегчения дыхания заболевших детей. И все из-за пресловутой экономии Фрэнка Кэмпбелла. Заместительница старшей медсестры Хардинг была вынуждена поехать в Сидней и закупить трубочки по совершенно немыслимой цене. Вернувшись ночным поездом, она обнаружила, что Лиам Финакан нашел этим приспособлениям замену, нарезав на куски обычные медицинские трубки, и тем самым спас двоих детишек от неминуемой смерти. Как это всегда бывало с детскими инфекционными болезнями, в больницу попадали только самые тяжелые больные – более ста детей от двух до двенадцати лет с дифтерией гортани. Их распухшие носоглотки забивались пленками, а маленький кусочек резины позволял им дышать. Эпидемия была нешуточной – семнадцать детей умерли, а у четверых болезнь дала осложнения, требовавшие многомесячного лечения.

На случай эпидемий в больнице существовали специальные палаты, находившиеся на отшибе и всегда готовые принять больных. Последний раз они использовались вскоре после Первой мировой войны, когда разразилась эпидемия инфлюэнцы, унесшая больше жизней, чем боевые действия. Во время эпидемий больше всего страдали дети и молодежь. У Эдды было на то свое объяснение: до преклонных лет доживают самые крепкие и здоровые, которых не так-то просто свалить.

В отличие от своих сестричек, Китти в дифтерийных палатах не работала. Сестра Мэг Мултон предпочитала держать ее в детском отделении. Для Китти это означало двойные смены и отмену выходных, но в больнице была острая нехватка рук. Положение спасали волонтеры – бывшие сиделки из Вест-Энда, вышедшие на пенсию.

Эпидемия дифтерии помогла Китти одержать маленькую победу, которой она поделилась лишь с сестрами.

– Как насчет ужина в «Парфеноне»? – в очередной раз поинтересовался доктор Крэншоу, когда Китти заправляла постели. – В любой удобный для вас вечер.

Это переполнило чашу девичьего терпения – эпидемия дифтерии, отсутствие приличного белья, да еще этот Крэншоу со своим мокрым ртом!..

– Засунь свои приглашения себе в зад, чертов болван! И катись отсюда подальше!

Доктор был так изумлен, словно во время прогулки по саду на него напала бабочка. Он даже не нашелся что ответить. Фиолетовый огонь, блеснувший в кротких голубых глазах, обратил его в бегство, словно он был мышью, удирающей от метлы.

* * *

Сестры Латимер, уже больше года трудившиеся в больнице, существенно укрепили свой дух. Все страхи и слабости были успешно преодолены. Как сумела продержаться Грейс, остальные три так и не поняли, разве что ей помогла ее природная изворотливость – теперь, когда она более или менее привыкла к «грязи», из нее получилась образцовая сиделка, тем более что «грязь» приходилось убирать не каждый день.

Девушки успели поработать во всех палатах. В июне Китти опять трудилась в детском отделении, но на этот раз вместе с Тафтс. Эдда опасалась, что теперь их сходство будет больше бросаться в глаза, но никто ничего не заметил, даже сестра Мултон. Форма скрывала очертания их тел, а разный цвет глаз придавал лицам определенное несходство. К тому же Китти любила возиться с мальчиками, а Тафтс предпочитала девочек, так что их редко видели рядом.

– Зайдите ко мне в кабинет после обеда, – распорядилась сестра Мултон с необычной резкостью в голосе.

– Что там могло стрястись? – недоумевала Тафтс, когда они подкреплялись сандвичами с ветчиной у себя на кухне. – У меня лично совесть чиста.

– Это было произнесено с усмешкой, святая сестра. Я лучше знаю сестру Мултон и могу предположить, что нас хотят озадачить какой-нибудь особой миссией.

Через полчаса догадка в полной степени подтвердилась. В кабинете Мултон присутствовал также доктор Деннис Фарадей, и оба они были на редкость мрачны.

– Старшая сестра предложила прикрепить к нашему новому пациенту практиканток, тем более что его пребывание в больнице будет недолгим, – произнес доктор своим низким красивым голосом.

В юности Деннис Фарадей был известным регбистом и всем своим видом напоминал добродушного бурого медведя – смуглая кожа, темно-русые волосы, карие глаза и редкий талант обращаться с детьми.

– Обычно умирающие дети остаются в общих палатах, – продолжал он. – Но ребенок, за которым будете ухаживать вы, должен содержаться подальше от любопытных глаз. Детей навещают родители, а в Корунде любят посплетничать. Поэтому ваш пациент будет изолирован от посторонних. Ребенка зовут Майкл Веспер, но откликается он на имя Мики. У него саркома с метастазами, и он страдает от боли. Но после небольшой дозы опиума мальчик оживает – и тогда вы видите перед собой на редкость милое и веселое существо! Он чувствует, что умирает, но ведет себя как маленький герой.

На глаза доктора навернулись слезы, и сестра Мултон предостерегающе посмотрела на практиканток.

– Со временем я представлю вам полицейские отчеты и сведения из социальной службы, – справившись с эмоциями, произнес доктор. – Мики два годика, но выглядит он как годовалый. До сегодняшнего дня он не получал никакого лечения. Если бы не настойчивость нашей патронажной сестры, он бы так и не попал в больницу. Жить ему осталось две-три недели, но я надеюсь, что они станут самыми счастливыми в его жизни. – Доктор Фарадей направился к двери. – Сестра, остальное вы объясните сами.

И чуть улыбнувшись, удалился.

После его ухода в кабинете повисло тягостное молчание, которое, казалось, длилось целую вечность, на самом же деле всего несколько минут, пока не пришли Грейс с Эддой. За все

четырнадцать месяцев сестры Латимер никогда не работали все вместе, да и сейчас они разделились на смены, хотя Мики Веспер был их единственным пациентом. Китти и Тафтс решили выходить с шести утра до десяти вечера, Грейс предпочла ночную смену, а Эдда выбрала скользящий график.

– Старшая сестра остановила свой выбор на вас, поскольку вы умеете молчать и не будете разносить сплетни, – объявила сестра Мултон. – Не знаю, откуда у нее такая уверенность, но я ее полностью разделяю. А от себя хочу добавить, что вам потребуется все ваше самообладание. Мики Веспер – на редкость тяжелый случай, но если вы будете раскисать, то никогда не получите диплом.

– Мы постараемся, сестра, – заверила ее Эдда.

Но сестра Мултон еще не закончила.

– Мики страдает от истощения, и мы не можем сказать, что послужило этому причиной – раковые метастазы или регулярное недоедание. Возможно, и то и другое. Самое печальное, что этот мальчик практически никому не нужен – к нему всегда относились как к досадной обузе. Его мать работает прачкой и трудится с утра до ночи. Патронажная медсестра так и не поняла, то ли она тупая, то ли просто не знает языка – они немцы и живут в Корунде всего полтора года. Она рожает и выкармливает детей, пока они не начинают есть и пить самостоятельно. На этом ее заботы о них заканчиваются. В семье трое мальчиков от тринадцати до шестнадцати лет и три девочки от шести до девяти. И еще этот двухлетний Мики.

– А чем вызвана пауза в рождении детей? – поинтересовалась Тафтс. – Папаша Веспер сидел в тюрьме?

Мэг Мултон округлила голубые глаза.

– Хороший вопрос, Скоуби. Сержант Кэмерон обязательно наведет справки.

– Мальчики ходят в школу? – спросила Китти.

– Естественно, нет, – вздохнула сестра Мултон. – Мало того, папаша и братья регулярно насилуют всех трех девочек. Директор школы в Корби уже сообщил об этом в полицию.

– Но ведь младшей только шесть, да и остальные немногим старше, – пересохшими губами произнесла Эдда.

– Папашу Веспера надо повесить, – решительно заявила Грейс.

– Ну, вряд ли ему это грозит, – возразила Тафтс. – А вот в тюрьму он точно загремит. И теперь уже надолго.

В дверь заглянула одна из сиделок.

– Майкл Веспер уже здесь, – сообщила она.

Палата номер 1 была такой крохотной, что в ней вряд ли уместилась бы взрослая койка, но для детской кроватки Мики Веспера она была в самый раз. На вид малыш явно недотягивал до своего возраста, и только вздутый от недоедания живот несколько полнил его тщедушное тельце. У него была светлая тонкая кожа и темные кудрявые волосенки. На старческом личике выделялись огромные черные глаза, в которых читалась вся его печальная история. Взгляд у него был спокойный и смышленый, но в нем чувствовалось страдание. В общем, не слишком красивый ребенок с необыкновенными глазами. Один из тех детей, которые, по мнению многоопытной сестры Мэг Мултон, вечно преследуют вас во сне и даже наяву. Пожиравшая его тело саркома пощадила его мозг, в чем очень скоро убедились дежурившие у его постели сестры. Чтобы унять непрерывную боль, ему давали опиаты, причем без всякого ограничения. Умирающему пациенту наркотическая зависимость уже не грозила. А как он был благодарен за каждую капельку опиума! Можно было только догадываться, сколько мучений пришлось перенести малышу за те месяцы, когда рак расползался по его телу и никто не хотел ему помочь. После морфия он просто расцветал – к счастью, его никогда не тошнило. Но мальчик не выпрашивал обезболивающее, он терпеливо ждал, когда оно понадобится по-настоящему. Бессонными

ночами он объяснял Грейс, что если все время спать, то не увидишь своих добрых сиделок. Китти танцевала для него чарльстон, а он смеялся и хлопал в ладоши. Тафтс исполняла танец с покрывалами, используя для этого ветхие простыни Фрэнка Кэмпбелла, а Эдда пела, аккомпанируя себе на металлических мисках и тазах. Мики от всего этого приходил в восторг.

Из всей семьи его навещала только Мэри, средняя из сестер, которая появлялась, как привидение, и молча стояла в ногах его кроватки, слушая, как он, задыхаясь, лепечет про все чудеса, которые устраивают для него сиделки – от уколов, после которых ничего не болит, до развеселых плясок и песен в исполнении Китти. Мария появлялась нечасто, в лучшем случае раз в пять дней, и каждый раз убеждалась, что больше всех ее братик любит Китти. Ему нравились все четыре сиделки, но свое сердечко он отдал именно ей. Что происходило между детьми, оставалось для всех тайной. Китти, всегда дежурившая, когда приходила Мэри, деликатно оставляла их наедине, уходя куда-нибудь минут на пятнадцать. После посещений Мэри Мики всегда чувствовал себя лучше.

Сержант полиции Джим Кэмерон заинтересовался Биллом Веспером по трем причинам: во-первых, вся эта история с Мики, во-вторых, жалобы учителей, что папаша и его сыновья находятся в половой связи с девочками Веспер, и, в-третьих, его собственное глубокое убеждение, что глава семьи постоянно крадет соседских овец. Как начальник полицейского участка Корунды, Кэмерон был обязан сообщить обо всем этом в Сидней, но он с чисто шотландским упрямством не желал вовлекать в свои дела чужаков. Семейство Веспер было его собственной проблемой, и он надеялся решить ее самостоятельно.

Патронажная медсестра Полина Дункан невольно сыграла роль катализатора. В тот день, когда Мики Веспер попал в больницу, ее рано утром вызвали в цыганский табор, раскинувший свои шатры у железнодорожного моста, чтобы помочь в ликвидации последствий драки. Сделав примочки на синяки и зашив пару ножевых ран, она поехала обратно в город. Проезжая мимо халупы Весперов, она решила остановиться и зайти, поскольку это семейство всегда вызывало у нее смутное подозрение. «Почему бы и нет? – подумала она. – Я уже здесь, так, может, заглянуть? Мужская половина сейчас наверняка отсутствует, и я смогу поговорить с этой несчастной женщиной…»

Миссис Веспер кипятила белье в медном баке на заднем дворе. Ей помогали вернувшиеся из школы дочери. Под ногами у них крутился плачущий малыш, которого они время от времени отшвыривали прочь. Одного взгляда было достаточно, чтобы все понять. Подхватив ребенка на руки, Полина Дункан устремилась к своей машине. Усадив мальчика на заднее сиденье, она отправилась прямиком к доктору Фарадею. Через час Мики Веспер был уже в больнице, а сержант Кэмерон получил разнос от доктора.

Призыв к сиделкам сохранять хладнокровие так и не достиг цели.

– Как можно так бесчеловечно относиться к ребенку? – возмущалась Китти.

– Типы вроде Билла Веспера понятия не имеют, что такое человечность, – всхлипнула Грейс, вытирая глаза. – Если людям не нужны их дети, зачем они вообще их заводят?

– Ха! – фыркнула Эдда. – А как они могут этого избежать?

– Я выйду замуж только за того, кто сможет содержать моих детей, – вздернув подбородок, заявила Китти.

– Не искушай судьбу, Китс, – предостерегла ее Эдда. – Если люди смогут прозревать будущее, гадалки останутся без куска хлеба. Посмотри на кинозвезд, которых так любит наша Грейс. Все они ходят к ясновидцам. Хотя, если подумать, какие проблемы могут быть у кинозвезд?

– Нежелательные дети, – усмехнулась Тафтс.

Попав в атмосферу любви и заботы, Мики немного задержался на этом свете. Доктор Фарадей старался по возможности облегчать его боль, не погружая малыша в кому. Самым любимым развлечением мальчика было катание в ярко-желтой деревянной тележке, в которую по очереди впрягались его сиделки. Грейс, работавшая в ночную смену, была лишена возможности изображать из себя резвого пони, но зато она часто беседовала с малышом, когда того мучила бессонница.

Боль и пренебрежение в семье заставили его раньше времени повзрослеть, но все же он оставался ребенком, мыслящим и рассуждающим совершенно по-детски. Его чудный характер заслужил ему всеобщую любовь, а мужество неизменно вызывало восхищение.

– Ты знаешь, он никогда не жалуется, – сообщила Грейс Эдде, передавая ей утром смену. – И это внушает уважение. Хороший урок для меня. И как ужасно, что его преподносит умирающий двухлетний ребенок.

Эдда благоразумно промолчала.

С приближением отмеренного для Мики срока боли становились все сильнее, а инъекции опиатов все чаще. Мальчик уже не мог есть, и его поили молочными коктейлями с шоколадом, ячменным сахаром или сливочными ирисками.

– Мики устал, – сказал он Китти ровно через месяц своего пребывания в больнице. – Очень-очень.

– Тогда поспи, милый.

– Не хочу. А то не проснусь.

– Фу, Мики! Что за глупости! Все всегда просыпаются.

– А я нет. Очень устал.

Когда Мария пришла навестить брата, сестра Мултон велела ей передать родителям, что Мики при смерти. Кивнув, девочка ушла. После обеда в больницу заявился пьяный Билл Веспер со своими сынками и стал требовать, чтобы ему отдали Мики. Фрэнк Кэмпбелл вызвал полицию, и всю четверку отправили в камеру проспаться. На следующее утро страдающие от похмелья, но уже вполне вменяемые Весперы погрузились в свой древний грузовик и отбыли домой. О Мики они больше не заикались.

На рассвете того же дня у Мики сломался изъеденный саркомой позвоночник, и он стал громко кричать. Испуганная Китти позвала Мэг Мултон, а та, в свою очередь, вытащила из постели сладко спавшего доктора Фарадея. Внезапно крики прекратились. Китти держала Мики на руках, а доктор готовился сделать ему укол. Ребенок открыл глаза и улыбнулся, потом слегка выдохнул, словно хотел что-то сказать. Китти улыбнулась ему в ответ и стала ждать, что он скажет. Но Мики уже не дышал.

– Положите шприц, сэр, – сказала Китти доктору. – Мики нас покинул.

– Благодарю вас, сестра. Вы знаете, что делать дальше, – бросил доктор, выходя из палаты.

Китти обмыла маленькое тельце, с тоской отметив, как быстро оно остывает. К тому времени, когда она полностью подготовила его к погребению, Мики был уже совсем холодным…

Никто не видел, как Китти побежала в свое тайное убежище, в котором она частенько укрывалась после появления Мики в больнице. Зимнее небо было затянуто низкими тучами, дул резкий ветер и на дорожках было пусто. Она забилась под мостик, перекинутый через ручей, и, нащупав там пень, села, стиснув на груди руки. По лицу катились слезы.

«Мики, Мики! И зачем ты только появился на свет? Чтобы два года испытывать страдания, которых ты не заслужил? Надеюсь, на небесах для тебя припасли много желтеньких тележек с пони и целое море молочных коктейлей с шоколадом!»

Но долго горевать было некогда. Успокоившись, Китти вернулась в детское отделение, чтобы сообщить сестре Мултон, что Майкл Веспер отошел в мир иной. Она почему-то была уверена, что доктор Фарадей этого сделать не смог.

Мики Веспер был погребен на средства города; его семейство на похороны не явилось. Люди слышали, как Билл Веспер распространялся в пивной в том духе, что раз власти имеют наглость похищать детей из родительского дома, то пусть сами раскошеливаются на их похороны. На похоронной церемонии, совершенной преподобным Латимером, присутствовал лишь больничный персонал, причем в изрядном количестве. Были собраны пожертвования на памятник из серого гранита с золочеными буквами. Всем хотелось, чтобы у Мики Веспера была приличная могилка.

История несчастного мальчика стала достоянием гласности, что вызвало всеобщую ненависть к Биллу Весперу и его отпрыскам. Сержант Кэмерон так и не сумел убедить девочек подать заявление о сексуальных домогательствах со стороны отца и братьев, и все потекло по-старому, а со временем и вообще изгладилось из памяти обитателей Корунды.

В конце июня на Корунду обрушилась свирепая зимняя буря, которая подбиралась к ней уже три недели.

Был поздний вечер, и из всех сестер Латимер в больнице находилась одна Тафтс. Она дежурила в мужской палате номер 1, самой запущенной из всех.

Между Фрэнком Кэмпбеллом и больничным персоналом, имевшим отношение к этой палате, шла затяжная и непримиримая борьба, в которую оказалась втянутой и старшая медсестра. Мужская палата номер 2 была поменьше и зимой не так страдала от холода. Убедившись, что паровое отопление не справляется со слишком большой нагрузкой, старшая медсестра уговорила главврача установить в палате номер 1 две угольные печи. Соблазнившись дешевизной топлива, Кэмпбелл купил печи, однако на угле стал отчаянно экономить, сведя на нет всю пользу от дополнительного отопления. В холодные ночи, когда бушевали бури, одних печек не хватало и к ним следовало добавлять паровое отопление.

Придя в палату ровно в девять, старшая медсестра обнаружила, что печи не топятся, а в ведрах нет угля.

– Скоуби, – позвала она Тафтс, возмущенно шурша накрахмаленным халатом. – Ступайте к доктору Кэмпбеллу домой, вытаскивайте его из постели и немедленно тащите сюда. Хватит стоять и хлопать глазами – шагом марш!

И Тафтс в точности выполнила распоряжение. Конвоируя главврача в направлении больницы, она размышляла, как далеко может зайти изобретательная сиделка, когда ей командуют шагом марш.

– Так вы говорите, что старшая медсестра сошла с ума? – попытался уточнить главврач.

– Совершенно обезумела, сэр. Прошу вас, поторопитесь!

И действительно, придя в палату номер 1, они обнаружили там разъяренную фурию со всеми признаками безумия. Крахмал наконец сдался, и халат утерял свои четкие формы. Косынка валялась на полу, а толстые пальцы были сжаты, как когтистые лапы хищной птицы.

– Сквалыга! Скупердяй! Деспот! – рявкнула она и, схватив Фрэнка Кэмпбелла за шиворот, оторвала его от пола.

Тощий маленький человечек, который двадцать пять лет тиранил больницу, повис в руках старшей медсестры, как коровья туша в лавке мясника. Его просто парализовало от страха – это седое пугало явно помешалось!

– Я уже предупреждала вас, доктор Кэмпбелл, что не потерплю, чтобы больные умирали от пневмонии только потому, что вы не желаете отапливать палаты! Если здесь немедленно не затопят печи и не включат паровое отопление, я поеду в Сидней и расскажу министру здравоохранения, что творится в городской больнице Корунды! Я полтора года ждала этого назначения и вот наконец дождалась. И к министру я явлюсь не с пустыми руками – у меня есть целый список ваших преступных деяний в отношении больных: мужчин, женщин и детей!

И так далее в том же духе. Персонал просто потерял дар речи, а пациенты, забыв про холод, сидели в кроватях с горящими глазами, согретые жаром обличительных речей старшей медсестры.

– Вот это было зрелище! – воскликнула Тафтс, разбудив сестер, чтобы сообщить им потрясающие новости. – Старшая медсестра трясла Фрэнка, как терьер крысу. Он только ногами дергал от страха.

– Старшая медсестра выиграла битву за палату номер 1, теперь осталось одержать победу в войне, – прокомментировала Эдда.

Возможно, до полной победы было еще далеко, но определенные сдвиги наметились: палаты стали отапливать гораздо лучше, а сантехник наконец получил напарника. Старшая медсестра отменила свой визит к министру здравоохранения, не без основания решив, что мужчины всегда заодно. Впрочем, она и без того сделала достаточно, чтобы считать свое пребывание в больнице ненапрасным. Кроме спасения пациентов от холода, на ее счету был еще один поступок, на первый взгляд незначительный, но в перспективе способный привести к большим переменам. Когда цыгане вновь раскинули табор под железнодорожным мостом, она дала старухе-цыганке денег, чтобы та заговорила Фрэнка Кэмпбелла. Нет, речь, конечно, не шла о смерти! Просто он должен был собрать манатки и убраться куда-нибудь подальше. Хорошо бы в ад, но это не так уж обязательно. Достаточно будет Дарвина или Булламаканки.

Семейство Веспер покинуло Корунду. Когда патронажная медсестра Полина Дункан в октябре 1927 года наведалась в Корби, их ветхий домишко оказался пуст. Билл Веспер и его домочадцы исчезли в неизвестном направлении. О них напоминал лишь серый могильный камень с золотой надписью, сообщавшей, что здесь нашел последний приют Майкл Веспер двух лет от роду. Дата его рождения была неизвестна – Весперы не считали нужным регистрировать детей.

Часть вторая
Ряды редеют

Грейс находилась в постоянном напряжении. Со временем у нее накопилось столько отрицательных эмоций, что они сводили на нет все ее усилия чему-нибудь научиться.

– Сестра Фолдинг, расскажите мне о графике жидкостного баланса, – распорядилась старшая медсестра, привлеченная в качестве последнего средства.

– График жидкостного баланса составляют, чтобы убедиться, что количество выделенной жидкости соответствует выпитой, – протараторила Грейс, как ученица, вызубрившая текст.

– А к чему этот график имеет отношение?

Грейс недоуменно подняла глаза.

– К балансу жидкости.

– Это и дураку ясно, Фолдинг. Я спрашиваю вас, кому он принадлежит?

Грейс была совсем сбита с толку.

– Я думаю, врачу.

– Чьи там показатели? – допытывалась старшая сестра.

– Больницы?

Старшая сестра поджала губы.

– Учитывая способности ваших сестер, я чего-то подобного ожидала и от вас, но, видимо, я ошибалась. График жидкостного баланса принадлежит лицу, которое называется «пациент», и показывает, сколько жидкости этот самый пациент потребляет и сколько производит в виде прежде всего мочи, а также других выделений – каких?

– Экскрементов? – с надеждой предположила Грейс.

– Нет, если они сформировавшиеся. Ведь речь идет о жидкостях, не так ли? График учитывает такие выделения, как кровь, слюна, мокрота и рвотные массы, – недовольно пояснила старшая сестра. Больнице срочно нужна сестра-инструктор, а она уже сыта по горло. – Зачем нужно составлять график жидкостного баланса?

– Ну, это ясно! – простодушно заявила Грейс. – Чтобы распознать водянку!

Накрахмаленные доспехи медсестры угрожающе заскрежетали.

– Водянка – это всего лишь один из симптомов почечной недостаточности, Фолдинг. Вы мне так и не ответили, зачем нужен этот график, а лишь упомянули, что он может указывать на заболевание почек. А как насчет болезней печени? Или язвы? А если график показывает, что пациент выделяет больше жидкости с рвотой, чем с мочой? Идите в библиотеку и читайте учебники, а потом напишите мне реферат на пяти страницах о графике жидкостного баланса.

На лице Грейс появилось смятение.

– Да, медсестра. Прошу прощения, медсестра.

– Ваши извинения неискренни и никому не нужны.

Старшая медсестра посмотрела на свои короткие ухоженные ногти, венчавшие пальцы, словно пирамидальные крыши.

– От меня не укрылось, что вы работаете спустя рукава. Где вы витаете, Фолдинг? Я не потерплю здесь расхлябанности и бестолковости, а ваши мысли мечутся столь же беспорядочно, как коровий хвост, отгоняющий мух – туда-сюда, неизвестно куда. Пора положить этому конец, вы слышите меня? А вас вообще интересует медицина? Или вы пришли сюда просто за компанию с сестрами?

Как давно Грейс ждала этого вопроса, надеясь излить все свои сомнения и тревоги. Но вопрос этот прозвучал из уст старшей сестры, а как ничтожному червю делиться своими

маленькими горестями со столь важной особой? Грейс судорожно сглотнула и, сжав руки, опустила на них глаза.

– Уверяю вас, мне очень нравится быть сиделкой, – солгала она. – Но вы правы, мне не хватает организованности. Я немного рассеянна и плохо контролирую свои мысли.

– Так научитесь это делать. Вы свободны.

Могло быть и хуже, думала Грейс, торопясь к своему жилищу. Ее ждут три дня отдыха – какое счастье! А тут еще этот дурацкий реферат. Грейс презрительно фыркнула. Нет уж, она не будет тратить драгоценный отпуск на всякую писанину! Для этого есть дежурства, тем более что никаких сроков установлено не было.

Через год после новоселья их дом уже вполне мог сойти за приличный коттедж, поскольку все четыре имели тягу к обустройству жизненного пространства. Поэтому они покрасили стены, повесили картины, «принарядили фасад», как выразилась Китти, и даже разбили небольшой садик. У сестры Бейнбридж не было оснований жаловаться. Жить стало намного веселее.

Но Грейс не собиралась сидеть дома. Чуть слышно насвистывая, она извлекла свое старое рыжевато-красное платье, которое обычно надевала, когда собиралась предаться любимому занятию – смотреть на паровозы. Она одевалась попроще, потому что в депо было грязно, и, кроме того, ей не хотелось выделяться – в такой неподходящей обстановке женщине лучше не привлекать к себе внимания. Грейс влюбилась в паровозы, когда ей было десять лет. Они приводили ее в восторг, который пересиливал любые насмешки сестер.

Надев шляпку и перчатки, Грейс вышла через боковые ворота в парк и зашагала по Виктория-стрит. По дороге ее мысли крутились вокруг модного в те времена оккультизма, такого притягательного на страницах журналов, где известные ясновидцы предсказывали всегда сбывающиеся несчастья с прозрачными намеками на личную жизнь кинозвезд. Грейс не без основания подозревала, что слава и богатство, приходящие к молодым и красивым, толкали некоторых из них на гедонистические излишества, которые столь огорчали их поклонников.

В конце Виктория-стрит возвышалась остроконечная металлическая ограда, за которой находился маневровый парк. Протиснувшись через самодельный турникет, Грейс поспешила к составам.

Ее никто не заметил. Все пути были заняты товарными вагонами: здесь стояли открытые вагонетки с углем для газовых заводов и электростанций, решетчатые двухъярусные вагоны с мясными овцами для боен Сиднея и Мельбурна, открытые платформы для машин, вагоны для перевозки руды и прочий подвижной состав. Грейс страшно нравились местные запахи – пахло машинным маслом, ржавым железом, угольным дымом, сухим овечьим навозом, мешковиной, эвкалиптами и пожухлой травой.

Приблизившись к паровозному депо, Грейс замедлила шаг, выбирая место, где лучше видно. Такое место быстро нашлось – на верхней платформе вагона для скота. Забраться туда не представляло труда – удобно устроившись на досках, Грейс приготовилась насладиться захватывающим зрелищем.

Она приходила сюда, чтобы любоваться паровозами, могучими паровыми тягачами, таскавшими за собой вагоны по всему Новому Южному Уэльсу. Сегодня в депо было пять паровозов, обычная средняя цифра. В Корунде железнодорожные пути шли в гору, поэтому к составам прицепляли дополнительный паровоз. Ближе к Сиднею, в пятидесяти километрах отсюда, находился еще один терминал, но в Корунде были мастерские и крытые депо, в общем, целый промышленный узел.

Грейс вряд ли могла объяснить, почему ее так притягивают паровозы. Впервые увидев один из них, она была потрясена этим огромным железным конем, тонувшим в клубах пара и дыма. Она могла часами наблюдать за этими удивительными машинами, восхищаясь их мощью и огромными колесами, которые могли превратить ее в котлету. Грохот, лязг железа, свист пара

и пронзительные гудки воодушевляли ее, а вид паровоза, изрыгающего черный дым, вызывал у нее сильнейшее желание слиться с ним в одно целое, чтобы ощутить его всепобеждающий напор.

Сегодня ее ждало особое развлечение. В Корунде был поворотный круг, массивная круглая платформа с рельсами, на которой целиком умещался паровоз с тендером. Чтобы развернуться и пойти в обратном направлении, паровозу требовалось сделать крюк длиной в несколько миль. Поворотный круг позволял значительно упростить этот процесс. Паровоз с тендером заезжал на вращающуюся платформу, которая разворачивала его в нужную сторону.

Вдруг кто-то вскочил на платформу совсем рядом с Грейс. Чуть скосив глаза, она увидела мужчину в костюме-тройке и сразу же потеряла к нему интерес, целиком захваченная зрелищем того, как опытный машинист блокирует колеса огромного паровоза на рельсах поворотного круга.

– Когда я был мальцом, то мечтал стать таким, как он, – сказал человек, расположившийся рядом с Грейс.

– Так почему же не стали? – без особого интереса спросила Грейс, поглощенная созерцанием поворачивающейся платформы.

– Да с профсоюзом вышла промашка.

– Ах так.

Разговор увял, оба были слишком увлечены магией происходящего. Но все когда-то кончается. Грейс соскользнула с платформы, прежде чем молодой человек успел ей помочь.

– Высший класс, – произнес он, балансируя на рельсе и крутя в руках свою шляпу. – Спасибо за компанию.

– И вам тоже. Вдвоем смотреть интереснее.

– Странное увлечение для молодой девушки.

– Я знаю. Мои сестры вечно надо мной подтрунивают.

Он засмеялся:

– Окажите любезность, мисс.

– Какую именно? – поинтересовалась Грейс, отметив про себя, что мужчина явно не получил хорошего образования.

– Можно посмотреть на ваше личико?

– Можно, – со смехом ответила Грейс, поворачиваясь к нему лицом.

– Нет, я хотел, чтобы вы сняли эту дурацкую шляпку.

Удивленная и слегка взволнованная, она стащила с головы свой «колокол», одновременно рассматривая незнакомца: представительный, но слишком уж белесый, словно его посыпали сахарной пудрой, кожа, правда, смуглая и без веснушек. Наверное, его предки жили под ярким солнцем, стала фантазировать Грейс, которое заставило потемнеть их эпидермис. «Все-таки я чему-то научилась», – поздравила она себя. Кое-что в голове осело.

– Вы прелесть, – констатировал незнакомец. – А куда вы сейчас идете? Можно я вас провожу? А то на путях орудуют грабители.

Никто никогда не называл ее «прелестью», ей доставались только сомнительные комплименты типа «свой парень» или «плакса». Может, он и не слишком образован, но натура у него тонкая. Вряд ли Китти или Эдду можно назвать «прелестью», самодовольно подумала Грейс. Поверив в его искренность, она улыбнулась и приветливо кивнула:

– Благодарю вас, мистер…

– Бьорн Ольсен. Но вы можете называть меня просто Бер. Все так делают. Бьорн по-шведски означает медведь. А как вас зовут?

– Грейс Латимер. Я работаю медсестрой в больнице, там меня называют Фолдинг, чтобы не было путаницы – нас там четверо с фамилией Латимер.

Грейс словно парила в воздухе, не замечая ничего кругом. Все в ней сосредоточилось на том, что она идет рядом с Бером Ольсеном, высоким и стройным молодым человеком, о котором ей хочется знать абсолютно все. На сердце стало как-то по-особому тепло. Сколько ему лет? Чем он занимается? Он находит ее милой, и его ярко-голубые глаза смотрят на нее с нескрываемым восхищением.

Через турникет они вышли в парк и устроились на лавочке в дальнем его конце. В будние дни в парке было пусто, и казалось, весь мир принадлежит им, его единственным обитателям.

– Вы не возражаете, если мы здесь немного посидим? – волнуясь, спросила Грейс.

– Я бы предпочел посидеть там, где я смогу угостить вас чаем с булочкой, – ответил молодой человек, сверкнув улыбкой.

Грейс заметила, что передний зуб у него был со сколом. Как симпатично!

– Разве в больнице нет кафетерия?

Грейс с ужасом посмотрела на него.

– Нет, нет! Я не могу приводить в больницу своих знакомых. Это запрещено. У меня будут неприятности, а мне их и так хватает. Я прохожу там практику, чтобы стать медсестрой, и у нас просто железная дисциплина. Железная!

Бер с сочувствием посмотрел на нее. Вот бедняжка!

– Больше похоже на тюрьму, чем на больницу.

– Да, там очень строго, – грустно согласилась Грейс.

– А если мы встретимся в «Парфеноне» или «Олимпе», у вас тоже будут неприятности?

– Нет, что вы! Вне больницы мы можем делать что хотим, старшая сестра не возражает. Конечно, если мы не нарушаем общественный порядок.

– Тогда это больше похоже на монастырь.

Грейс прыснула:

– В какой-то степени да, только без молитв.

– Вы католичка?

– Нет, мой отец пастор в англиканской церкви Святого Марка. Он протестант.

К действительности Грейс вернули только длинные закатные тени. Договорившись встретиться на следующий день в добром старом «Парфеноне», Грейс стрелой понеслась домой, так и не надев шляпу. Сердце ее ликовало.

Бер Ольсен! Наплевать, что он ниже ее по положению. У него, конечно, было полно подружек и даже несколько интрижек с замужними женщинами, он сам сказал. Ну и что? Он ведь коммивояжер, да-да, представитель этой довольно сомнительной профессии. Они постоянно разъезжают, знакомятся с женщинами, какое уж тут постоянство. Коммивояжеры умеют говорить, очаровывать женщин и даже в аду ухитрятся продать огонь. Папочка, конечно, поднимет шум, если узнает про Бера, но Грейс не собиралась ему сообщать, не говоря уже о мачехе. Вот на сестер положиться можно: девчонки не промолвят ни словечка, что бы они там ни думали в глубине души. Эдда уж точно не одобрит ее выбор. Но Грейс это ничуть не смущало – Бер Ольсен был ее судьбой. Она влюбилась в него с первого взгляда и выйдет за него замуж. Не сразу, конечно, и не без сопротивления со стороны близких. Но он все равно станет ее мужем!

Он работает у «Перкинса», а это что-нибудь да значит. Бер Ольсен не какой-то там хлыщ с прилизанными волосами и усами щеткой, пытающийся всучить шелковые чулки фермерским женам! «Перкинс» производит и продает бальзамы, тоники, мази, притирания, мягчительные средства, слабительные, антисептики, эликсиры, пилюли для печени и почек, мыло и газированный солевой раствор, который вызывает или успокаивает рвоту. Продукцию «Перкинса» покупают все. Она не продается в магазинах, а развозится по стране коммивояжерами. Лошадиная мазь и притирания «Перкинса» не сходят с уст, а в каждом доме обязательно есть баночка с его солями. Детям очень нравится слабительная микстура от «Перкинса», потому

что альтернативой ей является касторка. Бабушки безгранично верят в розовые пилюли от почек, дедушки принимают голубые от печени, и все без исключения увлекаются тонизирующим напитком на спирту и креозоте. Имея кое-какой медицинский опыт, Грейс знала, как важно вовремя обратиться к врачу. Люди же предпочитают заниматься самолечением, принимая снадобья с этикеткой «Перкинса». Это обходится дешевле, чем поход к врачу, и почти всегда столь же эффективно.

Бер сообщил, что родился под Сиднеем, в местечке под названием Клайд, где находилось паровозное депо. Все детство он провел, слушая гудки, свист пара и пыхтенье паровозов, но его отец, непросыхающий пьяница, не жаловал профсоюз железнодорожников, поэтому весь его выводок сыновей стал неквалифицированной рабочей силой, ничего общего не имеющей с железной дорогой. Бер, самый младший из всех, мечтал уехать из Сиднея и поэтому сразу же откликнулся на газетное объявление о наборе коммивояжеров в компанию «Перкинс продактс».

Собеседование с ним проводил весьма опытный и проницательный менеджер. Он сразу же заинтересовался Бером, несмотря на прорехи в его образовании. У парня было честное лицо без жгучего итальянско-испанского налета, который мог бы отпугнуть домохозяек, достаточно самоуверенности и в меру великодушия – он был явно из тех, кто никогда не откажет даме наколоть дров для ее печки. Решающим фактором стало то, что Бер не только водил машину, но мог ее при случае починить. В итоге Бер получил место.

И ни разу не пожалел об этом. Ему нравилось продавать товары, а природное благоразумие удерживало его от ненужных трат. Он стал быстро подниматься по служебной лестнице: ему регулярно повышали жалованье, оплачивали расходы по повышенному тарифу и первому давали новую машину. Через пять лет он уже был лучшим коммивояжером «Перкинса» в Новом Южном Уэльсе, а еще через четыре стал считаться одним из лучших в Австралии и Новой Зеландии. К тридцати годам он достиг совсем неплохих результатов: успешная карьера плюс приличный счет в банке, о чем он не без гордости сообщил Грейс.

Она ему явно приглянулась, тем более что оба были одержимы страстью к паровозам. Бер тоже забросил невод в поток ее жизни и с удовольствием убедился, что на социальной лестнице она стоит на несколько ступенек выше него. Это означало, что из нее выйдет прекрасная жена, которая позаботится, чтобы их дети получили отличное образование и стали настоящими леди и джентльменами. Вот только как убедить ее семью, что и он для нее лучшая партия?

Бер поспешил объясниться, как только они оказались в отдельном кабинетике в самом конце «Парфенона». Грейс заказала сандвичи с омлетом и карри, а ее кавалер – бифштекс с жареным картофелем, помидорами и шампиньонами. Их никто не заметил – какое счастье! И никаких чересчур любопытных официанток – хозяин кафе Кон Декопулос сам подавал на стол.

– Ясное дело, я вам неровня, Грейс, – честно признался Бер за чаем с десертом. – Но я все равно женюсь на вас. Я вот услышал, как вы вскрикнули от восторга, когда этот С-38 выделывал свои штуки, и сразу понял, что вы моя женщина. А потом увидел ваше лицо – такое милое! Мы должны пожениться, и никаких отказов я не приму. – Он сжал ее руку. – И чем раньше, тем лучше, дорогая. Я вас люблю.

Ее глаза потемнели от нахлынувших эмоций, таких новых и неизведанных. Грейс впилась глазами в белобрысое лицо Бера, не веря своим ушам. Он сказал пожениться?

Бер продолжал говорить, поглаживая большим пальцем ее руку:

– Я могу продать все что угодно, дорогая. Мне не грозит потерять работу. Мне нравится продавать товары «Перкинса», потому что они и вправду хорошие, честно вам говорю. В моей работе главное – честность, я никогда не обманываю покупателей. У меня две тысячи фунтов в банке, на эти деньги в Корунде можно купить приличный дом и еще много чего останется. Ну,

не такой шикарный, как у вас, и слуг мы не сможем нанять, разве что приходящую уборщицу, но я обязательно поднимусь, Грейс, даю вам слово! И тогда вы заживете, как королева.

Грейс трясущимися пальцами обхватила его руку.

– О, Бер! Да с вами я готова жить хоть в шалаше! Встретив вас, я больше не могу думать ни о ком другом!

Лицо Бера, залитое светом, струившимся из его восторженных глаз, показалось Грейс необычайно привлекательным. Еще вчера он казался ей не слишком интересным, каким-то бесцветным и белобрысым, а сегодня стал частью ее самой. Брови у него словно покрыты инеем, ресницы сверкают, как хрусталь, – а кожа смуглая, интересно, откуда вдруг? А таких голубых глаз она не видела ни у кого, просто дух захватывает… Нос у него такой же, как у них с Эддой, значит, дети получатся красивыми и уж точно будут высокими. Но только не близнецы! Просто мальчик и девочка, сначала сын, потом дочка…

– Так вы выйдете за меня замуж?

– Да, мой милый Бер, конечно, выйду.

Лицо его осветилось радостью.

– Пошли в парк на нашу скамейку! Я хочу тебя поцеловать!

Бер шел быстрым шагом, но Грейс этого не замечала. Голова у нее кружилась от счастья, сердце радостно трепетало. Первый раз в жизни она была по-настоящему счастлива и боялась, как бы эта идиллия вдруг не закончилась. Бер ее любит, он хочет на ней жениться! Все внутри просто пело от радости. Будущее казалось восходящим солнцем, заливающим небо розовой позолотой, от красоты которой перехватывало дыхание. Она больше никогда не будет одинокой – ее любят, и она отвечает взаимностью. Что в жизни может с этим сравниться?

В парке никого не было. Они сели на скамейку, чуть повернувшись друг к другу. Бер дрожащими руками сжал голову Грейс, глядя сверху вниз на ее улыбающееся лицо.

Потом его лицо приблизилось и стало неразличимым. Закрыв глаза, Грейс ждала прикосновения его губ – оно было прохладным, нежным и легким, как перышко. Она ответила движением губ, наслаждаясь фантастическим ощущением, которое дает поцелуй двух любящих существ; казалось, это происходит с ней в первый раз, такой упоительной взаимности она не испытывала никогда раньше. Бер не пытался разомкнуть ей губы, пока она сама не сделала этого, не демонстрировал свою искушенность, как это практиковали другие молодые люди, стараясь произвести впечатление. И только когда Грейс всем существом откликнулась на его призыв, их поцелуй стал по-настоящему глубоким и страстным. И когда он прикоснулся к ее груди, скрытой под платьем, ей показалось, что ее ударило током.

– Все остальное только после того, как я надену тебе на пальчик обручальное кольцо, – заявил Бер, отталкивая ее от себя через несколько минут. – Ты слишком хороша, чтобы я мог воспользоваться случаем.

Когда Грейс вернулась, все ее сестры сидели в гостиной. По странному совпадению ни у кого из них не было дневного дежурства. Взглянув на сестру, Эдда, насторожившись, сказала:

– Похоже, Грейс у нас в растрепанных чувствах.

Та, не мешкая, сообщила им новость:

– Я выхожу замуж.

Эдда и Китти поперхнулись, и даже Тафтс оторвалась от книг.

– Что за вздор! – фыркнула она.

– И кто же этот счастливец? – полушутя спросила Эдда.

– Его зовут Бер Ольсен, я познакомилась с ним вчера, когда смотрела, как поворачивается паровоз, – объяснила Грейс. Ее восторг почему-то начал спадать.

– Вчера? – с подчеркнутым изумлением переспросила Китти.

– Да, вчера! Это любовь с первого взгляда.

Сестры простонали.

– Грейс, но так не бывает! – воскликнула Эдда.

– Очень даже бывает. Для меня он единственный и неповторимый, я хочу выйти за него замуж, и чем скорее, тем лучше!

– А как насчет того, чтобы закончить обучение? – поинтересовалась Тафтс. – Надо же иметь профессию на всякий случай.

– Ненавижу больницу! Я выхожу замуж за Бера!

– Мама не позволит тебе выскочить замуж без ее согласия, а все твое поведение просто вопиет о том, что парень этот совсем неподходящая партия, – заметила Китти.

– Мне двадцать один год, и никто не может запретить мне выйти замуж за кого я хочу.

– Но ты же у нас мягкотелая, – поставила диагноз Эдда.

– Только не в этом случае! – объявила Грейс, и голос ее зазвенел: – Я встретила родственную душу, Эдда! Мы одинаково смотрим на мир, и я собираюсь разделить с ним судьбу! Зарубите себе на носу: я выхожу замуж за Бера Ольсена, и никто меня не остановит!

– Как, ты говоришь, его зовут? – спросила Тафтс.

– Бьорн Ольсен. Но все зовут его Бер. У него шведские корни. Он работает у «Перкинса» коммивояжером, причем на ведущих ролях. Может, он мне и неровня, но он добился успеха. И я выйду за него замуж!

– Но только после того, как мы с ним познакомимся, – вполне доброжелательно сказала Китти. – Дай нам шанс – и этому Беру тоже! Я понимаю, ты боишься, что мама не одобрит твой выбор, но не сбрасывай со счетов отца. Он вовсе не сноб, и если ему понравится твой молодой человек, ты приобретешь союзника. Пригласи Бера завтра к чаю, после обеда все мы свободны.

– Но мы же не можем пригласить его сюда! – испуганно произнесла Тафтс.

– Почему? Я поговорю со старшей сестрой, – сказала Эдда, поднимаясь.

– Эдда, не надо! – взмолилась Грейс.

Но было уже поздно: Эдда направилась к старшей сестре.

– В чем дело, Латимер?

– Можно мы пригласим к себе на чай молодого человека, мэм? Мы все будем при этом присутствовать.

Никаких гневных отповедей не последовало. Вместо этого старшая сестра бесстрастно указала на стул:

– Садитесь, Латимер, и объясните эту в высшей степени необычную просьбу.

– Это касается моей сестры Фолдинг.

– Вам известно, что ей не нравится быть сиделкой?

– Да, – ответила Эдда, слегка вздохнув.

– У нее опять проблемы?

– Пока нет, но если не найти к ней правильного подхода, они обязательно появятся. Я хочу сказать, что мы, сестры, должны помочь ей в весьма затруднительном положении, – сказала Эдда, тщательно подбирая слова. – Наша мачеха имеет весьма твердые убеждения – исходя из самых благих намерений, конечно, – а в сложившейся ситуации мы бы хотели все выяснить заранее, а потом уже сообщить ей. Видите ли, Грейс встретила молодого человека, за которого намерена выйти замуж, но, к сожалению, он не местный житель и к тому же коммивояжер. Работает у «Перкинса», вполне респектабельный, но мы хотим знать о нем больше. Разговор за чаем у нас в коттедже будет идеальным вариантом.

– Считайте, что разрешение получено, – сказала старшая медсестра, уяснив причину сложностей, возникающих при общении с Грейс. – Я предупрежу сестру Бейнбридж.

– Какая разумная девушка, эта Латимер! – сказала ей старшая медсестра за ужином. – Сама пришла ко мне и попросила разрешения. Конечно, сиделок надо держать в страхе божием, но мы же тоже живые люди. Какая умница! Ни одного дурного слова в адрес Мод

Латимер, но я и без того все поняла. Ясное дело, этот парень придется Мод не по вкусу. Мы должны помочь им, Марджори, в крайнем случае как-то повлиять на пастора. Наш повар сможет испечь булочки и сделать крем?

Проведя два часа в компании Бера Ольсена, сестры примирились с крутым поворотом в судьбе Грейс и перестали волноваться относительно ее будущего благополучия. То, что он ее любит, было вполне очевидно, и к тому же – что не менее важно – парень не был заурядным коммивояжером без всяких перспектив. Он работал у «Перкинса», считался лучшим продавцом в Австралии, уверенно поднимался по карьерной лестнице, имел две тысячи фунтов на счету и друзей в высшем руководстве компании. С таким багажом, да еще непьющий – вполне подходящий муж для Грейс. Таков был вывод, сделанный сестрами после подробной беседы с претендентом.

– Я собираюсь поездить еще лет пять, – начал объяснять Бер, отдав должное булочкам с джемом и сливочным кремом, испеченным по распоряжению старшей медсестры – потрясающее великодушие! Возможно, под ледяной броней скрывается живой человек? – Мне бы не хотелось отрывать Грейс от семьи, поэтому я планирую осесть в Корунде. Я присмотрел отличный дом на Трелони-уэй с водопроводом и канализацией. Мне уступают его за тысячу сто фунтов наличными.

– Хорошая цена за дом со всеми удобствами, – заметила Эдда.

– Да и сам дом неплохой, ей-богу! Крыша покрыта толем, внутри штукатурка и санузел раздельный. Полы эвкалиптовые, окна большие и на них можно приладить москитную сетку.

– Все это замечательно, – согласилась Эдда. – А что с мебелью? Сколько там комнат?

– Там три спальни, и после покупки дома у меня еще останется куча денег, чтобы Грейс могла купить мебель по своему вкусу, – заверил Эдду Бер, полный решимости успешно пройти собеседование и заполучить свою ненаглядную Грейс.

Та внимательно слушала, не произнося ни слова. Боится, наверное, решил Бер. Он заметил, что сестры подтрунивают над его невестой.

– Еще один плюс – по Трелони-уэй ездит развозчик льда, так что Грейс сможет завести погреб. Это очень важно, когда в доме есть детишки.

Детишки? В Бера впились три пары глаз.

– Надеюсь, вы будете соизмерять количество детей с возможностью дать им хорошее образование, – грозно произнесла Тафтс.

– Уж мои-то дети будут образованными, можете быть уверены, – торжественно пообещал Бер.

Грейс пошла его провожать, оставив сестер наедине с реальностью.

– Мама ни за что не благословит этот союз, – печально произнесла Китти.

– Ерунда! – отрезала Эдда. – Надо просто ее нейтрализовать, то есть действовать через отца. Мод в первую голову волнует положение жениха, и она будет пыхтеть именно по этому поводу. Поэтому мы должны представить его в наиболее выгодном свете: солидный служащий «Перкинса», а не какой-нибудь сомнительный тип, торгующий шарлатанскими снадобьями и женским нижним бельем. Короче, надо максимально приукрасить Бера, и в этом нам должен помочь наш папочка. Во всяком случае, Бер не итальяшка, и в нем нет ничего от пресловутого «комми». Вид у него респектабельный, да и поведение тоже. Он водит новенький «форд», и в банке на него смотрят с уважением. Я лично считаю, что Грейс сделала удачный выбор.

– Согласна, – отозвалась Китти. – И я постараюсь втолковать это маме.

– Я тоже, – поддержала ее Тафтс. – Бер идеально подходит для Грейс. Они ведь встретились в паровозном депо и вместе обмирали там от восторга. Неплохое совпадение. Их дети будут грызть уголь и гудеть, как паровозы.

– Ну и что в этом плохого? – спросила Грейс, входя в комнату.

– Ничего, дорогая, – успокоила ее Китти. – Так как мы будем праздновать свадьбу?

– Я не хочу никакой свадьбы, – решительно заявила Грейс. – Нет, конечно, я не возражаю против белого платья и букета, но только без всех этих торжеств и глупых речей. У Бера нет родственников и близких друзей, чтобы заполнить половину церкви, и он будет этого стесняться. Папочка обвенчает нас без шума, а потом мы вместе с Бером поедем по его обычному маршруту.

Грейс была так переполнена счастьем, что ее не страшили никакие Мод.

Все четверо согласились, что о свадьбе Грейс преподобному Латимеру с супругой сообщит Эдда, причем сделает это в свой первый же выходной.

Чета Латимер была несколько удивлена ее визитом, но, не подав виду, пригласила Эдду к обеду.

– Не понимаю, что хорошего быть сиделкой, – с ходу заявила Мод.

Инстинкт самосохранения подсказывал ей, что с Эддой надо быть осторожнее. Теперь она вряд ли стерпит пренебрежительный тон и саркастические замечания. Перед ней была самостоятельная молодая женщина, полностью уверенная в себе. Мод стало как-то не по себе – она вдруг поняла, что, набравшись в больнице жизненного опыта, девушки больше не станут плясать под ее дудку. Теперь они решительны, сильны духом и способны вызывать восхищение. А все эти качества Мод привыкла относить только к своей персоне.

– Это дает возможность приносить реальную пользу, – ответила Эдда.

Она наслаждалась домашней едой, так не похожей на больничную.

– Как вашей поварихе удается так вкусно готовить? Пастуший пирог просто божественный, не то что у нас в больнице.

– Понятия не имею, – надменно заявила Мод. – Я лишь составляю меню на неделю.

– То же самое делает и наша сестра-хозяйка, но результаты совершенно разные.

Эдда поймала взгляд отца и более его не отпускала.

– Грейс так и не стала хорошей сиделкой. Ей не нравится это занятие.

– Ха! Чему тут удивляться? – фыркнула Мод. – Твоя сестрица классическая неудачница.

Эдда рассмеялась:

– Если ты метила в меня, то стрела пролетела мимо цели. Значит, ты не будешь возражать, если Грейс бросит больницу и выйдет замуж за такого же неудачника.

Мод одеревенела.

– Что ты сказала?

– Ты слышала, дорогая. Грейс собирается замуж за служащего «Перкинса» – чудесный парень, очень любит ее. Они прямо созданы друг для друга, отец.

– Грейс не сделает ничего подобного! – взвизгнула Мод, поворачиваясь к мужу, который пока никак не среагировал на сообщение Эдды. Лицо его было непроницаемо. – Том, не сиди как истукан! Грейс не выйдет замуж за жалкого неудачника!

– Я склонен прислушаться к Эдде, – спокойно ответил пастор, вытирая губы салфеткой. – Ты слишком строга к людям, Мод, в особенности к своим близким. Должен признаться, меня это тревожит. Я лично считаю, что человек, работающий на этой фирме, не такой уж неудачник. Твой шкаф набит товарами от «Перкинса», включая тот новый крем для лица, от которого ты в таком восторге.

Пастор улыбнулся Эдде:

– Ты, конечно, всячески этому способствуешь?

– Да, папочка. Жениха зовут Бьорн Ольсен, но для нас он просто Бер. В компании он на хорошем счету, имеет солидный счет в банке и просто обожает Грейс. Он бы хотел поскорее с тобой познакомиться, потому что они не хотят тянуть со свадьбой.

– Она беременна! – воскликнула Мод со злорадством.

– Вовсе нет! Вечно у тебя грязные мысли!

Пастор со звоном бросил вилку с ножом на тарелку. Глаза его негодующе сверкнули.

– Прекрати немедленно, Мод! Чем говорить гадости, лучше помолчи! Почему ты такая бессердечная?

Эдда с изумлением посмотрела на отца, потом перевела взгляд на мачеху. Металл в его голосе был чем-то совершенно новым – неужели жизнь наедине с Мод так его достала?

– Я встречусь со своим будущим зятем завтра в полдень, – сказал пастор Эдде. – А Грейс может прийти в половине первого. Мод, у нас будет торжественный обед.

– Она не беременна, папочка, но могу гарантировать, что внуков тебе долго ждать не придется, – заверила отца Эдда. Глаза ее сияли. – Я так рада за нее: Бер будет о ней заботиться и никогда не бросит в беде.

Не в силах поверить, что муж мог так бесчеловечно обойтись с ней – и это при Эдде! – Мод Латимер просидела весь обед в молчании, будучи уверена в одном: Грейс еще поплатится за это, да и все прочие тоже.

Сиделка Грейс Латимер продержалась в больнице год и три месяца, после чего рассталась с медициной, чтобы выйти замуж.

Свадьба была очень скромной – со стороны жениха присутствовали трое, все из фирмы «Перкинс», невеста ограничилась семьей и несколькими близкими друзьями. Заключив брак в июле 1927 года, счастливая пара провела медовый месяц несколько необычным образом – Грейс сопровождала Бера в его коммивояжерской поездке по Новому Южному Уэльсу. К концу путешествия она пришла к выводу, что судьбе ее мужа не позавидуешь. Вернувшись в Корунду, они поселились в купленном Бером доме. К этому времени Грейс была уже беременна.

За все двадцать два года своей жизни Эдда никогда не расставалась с Грейс и даже не представляла, насколько это будет тяжело. Они были похожи только внешне, а характер и темперамент у них были разные. Эдда вспоминала, как часто она ругала Грейс за инертность – бойкой, деятельной Эдде хотелось живого и интересного общения. В их тандеме она всегда была ведущей, а Грейс покорно тянулась следом. Теперь же, когда Грейс не было рядом, Эдда с удивлением обнаружила, как ей не хватает сестры.

– Должна признать, что постоянное присутствие Грейс было сродни опухоли, хотя я никогда не считала ее злокачественной, – призналась Эдда Тафтс, которая понимала ее лучше, чем Китти. – Теперь же Гименей, как безжалостный хирург, избавил меня от нее.

– Ты в растерянности, дорогая, – посочувствовала ей Тафтс. – К отсутствию Грейс придется долго привыкать.

– Нет, ты не понимаешь! Я всегда думала, что буду счастлива избавиться от Грейс.

– Я чувствую то же самое по отношению к Китти, однако здравый смысл подсказывает мне, что я буду оплакивать ее уход. Ты ведь тоже руководствуешься разумом. Вот и подумай, легко ли потерять свою вторую половину?

Эдда вздохнула:

– Вижу, что нет.

– По крайней мере мы с Китти это понимаем. Вот и бери с нас пример.

Эдда попыталась, но вид этой сплоченной парочки лишь усугубил ее потерю. Правда, были и позитивные моменты, и самым важным из них оказался внезапный бунт отца против тирании Мод, причем такой заметный, что окружающие только качали головами. Нет, он по-прежнему относился к своей второй жене с уважением, но ей больше не удавалось держать его под каблуком. Мод не хватало мозгов, чтобы понять, что виной всему ее поведение, поэтому перемену в отношении мужа она приписала своей увядающей внешности и срочно отправилась

на три месяца в санаторий, где сидела на диете, занималась физкультурой и изливала душу психоаналитикам. Более неудачного шага нельзя было представить, поскольку она исчезла из жизни пастора как раз в тот момент, когда замужество дочери напомнило ему о том, что он тоже стареет. Он быстро обнаружил, что жизнь без Мод сулит ему массу удовольствий: можно есть все что угодно на завтрак, самостоятельно выбирать псалмы для церковного хора, готовить проповеди и посещать своих бедных, а потому малозначительных прихожан так часто, как он считал нужным. Все это он отказался менять, когда Мод возвратилась после курса омоложения. Теперь он стал абсолютно глух к ее речам.

– Так ей и надо! – торжествующе заявила Эдда Джеку Терлоу, когда, встретившись на тропе, они спешились, чтобы, как выражался Джек, «от души потрепаться».

Теперь они виделись нечасто; раньше сестры занимались лишь собой и помогали по дому, но больница основательно сократила их досуг. К тому же они так уставали, что даже поход в кино, не говоря уже о конной прогулке, требовал огромных усилий.

Джек был не в восторге от такой перемены, о чем не преминул сообщить:

– Ты ко мне относишься как к вещи, которую держат в шкафу и вынимают, когда возникает необходимость. Не знаю, почему я все это терплю.

Эдда расхохоталась:

– Джек, когда же ты повзрослеешь? Ты на одиннадцать лет старше меня, а ведешь себя, как маленький мальчик, у которого сестра отняла любимую игрушку. Я теперь сама зарабатываю на жизнь, и работа для меня не пустое слово. Я обожаю наши совместные прогулки, но у меня нет времени, а подчас и сил – неужели непонятно?

– Поступая в больницу, ты надеялась, что лошадь поможет тебе поддерживать форму, но получается все наоборот: ты выезжаешь все реже и реже. Твой отец впрягает Фатиму в коляску, на которой ездит Мод, чтобы бедная животина хоть как-то разминалась.

Эдда с грустью кивнула:

– Папа правильно делает, но ты ведь, кажется, не одобряешь, когда скаковых лошадей запрягают в повозки. Мне очень жаль, что так получается.

Она постаралась придать лицу обольстительное выражение.

– Я так люблю на ней ездить, а если ты заберешь ее, у меня не останется шансов. Неужели Фатиме так вредно тянуть легкую коляску? Я знаю, почему ты мне ее отдал – она не слишком умная, но со спокойным темпераментом. Мод даже приучила ее облегчаться в компостную кучу.

Джек вяло усмехнулся, но потом улыбнулся во весь рот.

– Жаль, что ты женщина, Эдда. Из тебя бы вышел отличный политик.

– Но я могу выйти за политика замуж, – пошутила она.

– Поехали ко мне, выпьем чаю с лепешками. Все лучше, чем сидеть на берегу.

Эдда сразу же поднялась.

– И не так бросается в глаза, – добавила она, взбираясь на Фатиму, которая и в самом деле годилась для чего угодно. Ее глупость была в этом большим подспорьем.

– Что слышно о наследнике Бердама? – спросила Эдда, намазывая масло на еще не остывшую лепешку. Джек пек их виртуозно.

– Ты об этом помми? Из старины Тома много не вытянешь, но сдается мне, этот наследничек к нам не торопится. У него и своих игрушек в Англии хватает, особенно в Лондоне.

– Почему у нас англичан называют помми?

– Кто его знает, – пожал плечами Джек. – Они там небось и не знают, что мы их так зовем. Вот явится сюда, тогда и прозреет. Старина Том говорит, что он врач.

– Мод нам сообщила то же самое, но мы ей не очень-то доверяем, – сделала гримасу Эдда. – И еще она утверждает, что он финансовый магнат.

– Брехня. Одно исключает другое – альтруист и эксплуататор. Это как святой и дьявол в одном флаконе.

– Да я знаю десятки таких людей, – усмехнулась Эдда. – Молятся, на коленях елозят, а сами форменные негодяи.

– Вот за что я тебя люблю. Ты видишь то, что скрыто за фасадом.

– Профессия помогает. Когда человек болен, раскрывается его истинная натура. Про богатых этого не скажешь.

– Может, поэтому наследник Бердама стал врачом. Одни деньги жизни не научат, – резюмировал Джек, убирая со стола тарелки и чашки. – Пошли, я отвезу тебя в больницу на машине.

Когда Эдда ехала в больницу в потрепанном грузовике Джека, сердце ее пело от радости. Неужели Джек Терлоу и есть ее единственный мужчина? Вообще-то она всегда симпатизировала ему, считая лучшим другом. Но два часа, проведенные на его кухне за чаем с лепешками, вдруг заставили ее понять, что она его любит! Как это случилось? И почему вдруг? Она вовсе не хотела замуж и надеялась, что и он не имеет подобных намерений, но ее к нему страшно тянуло…

«Я хочу путешествовать, мечтаю уехать из Корунды, но ведь путешествовать вдвоем с любимым человеком гораздо приятнее. И за это открытие я должна быть благодарна Джеку. Быть вместе и поддерживать друг друга, сохраняя при этом полную свободу. Я чувствую, что влюбилась в Джека, но может ли он ответить мне тем же? А вот этого я не знаю. Он еще не подал мне сигнала. Мы оба соблюдаем дистанцию. Это взаимное доверие? Вздор! Его не существует».

Китти сразу заметила перемену в сестре.

– Я вижу, ты наконец оправилась от потери Грейс.

– Да, верно, – согласилась Эдда, стягивая сапоги и брюки для верховой езды.

У нее на языке уже вертелось имя Джека, но она вовремя спохватилась. Это никого не касается. Вместо этого она спросила:

– Ты слышала, что Мод болтала о наследнике Бердама?

– Только то, что он врач. Интересно, в какой клинике?

– Понятия не имею. Достаточно того, что он наследник Бердама, потеснивший Джека Терлоу.

В комнату вихрем ворвалась Тафтс.

– Эдда, поменялось расписание дежурств. После выходных ты начинаешь работать в операционной. – Ее хорошенькое личико скривилось. – Повезло тебе! Я-то надеялась, что буду там первой.

– Тебя доктор Финакан не отпустит, пока вы не закончите свои дела, – без всякого сочувствия отозвалась Китти. – Нельзя иметь все сразу, Тафтс.

– Ладно, ладно, все равно моя очередь наступит.

«Интересно, почему я не сказала им про Джека? – думала Эдда, направляясь в ванную, чтобы смыть с себя лошадиный запах. – Они же мои сестры! Но ведь он не делал мне никаких авансов, только дружба и ничего больше. А влюбиться он может, к примеру, в Китти. Нет, я этого не допущу! Китти мне, конечно, дорога, но стоять и смотреть, как она рушит мою жизнь, я уж точно не буду».

Весьма неосторожная мысль, как выяснилось позже, когда они по странной случайности наткнулись на Китти, бредущую по конной тропе. Они с Джеком вежливо поздоровались, но лошади гарцевали, готовые пуститься в легкий галоп, и пешая Китти быстро ретировалась, желая быть подальше от столь опасных животных.

– Красивая девочка, – отметил Джек, когда они сели на поваленный ствол.

– Редкая красавица, – совершенно искренне уточнила Эдда.

Джек ухмыльнулся:

– Для тех, кто предпочитает такой тип женщин. Но я не любитель пышных азалий. Мне больше по душе стройные благородные тополя.

– Вот уж не знала, что ты умеешь говорить метафорами, – засмеялась Эдда.

– Ты еще многого обо мне не знаешь, – загадочно ответил Джек.

В травматическом отделении больницы была небольшая операционная, где пациентам оказывали первую помощь, останавливая кровотечение или накладывая шины при переломах. Более серьезные операции проводились в главной операционной, находившейся между мужским и женским отделениями. В больнице было два хирурга, одновременно имевших частную практику: доктор Иен Гордон делал полостные операции, а доктор Эрих Герцен специализировался на ортопедии, причем оба считались превосходными хирургами. Анестезиолог Тони Уотсон отлично управлялся с хлороформом, эфиром, закисью азота и вводил обезболивающее, инстинктивно чувствуя, когда дать пациенту глоточек кислорода, чтобы несколько ослабить силу наркоза.

Войдя в двустворчатые двери, Эдда увидела несколько помещений, одно из которых было операционной, а в остальных мыли, дезинфицировали, стерилизовали, хранили инструменты, переодевались и держали вспомогательное оборудование. Еще там было шесть отдельных боксов для пациентов, где они лежали до перевода в общие палаты. Родильное отделение находилось в другом месте. В операционной роженицам делали только кесарево сечение. Акушер Нед Мэсон был своего рода достопримечательностью Корунды: всех, кто родился там за последние сорок лет, принимал доктор Мэсон, который и сейчас не собирался уходить на покой.

Операционная сестра Дороти Маршалл имела под своим началом двух младших медсестер и десяток сиделок из Вест-Энда. Все они были прикомандированы к операционной, но появление здесь Эдды предвещало начало перемен, что вовсе не радовало операционную сестру. Однако от ее умения передать свой опыт практиканткам зависело и ее собственное благополучие, чего она не могла не понимать. Поэтому она была полна решимости сделать из Латимер образцовую операционную сестру.

Эдде предстояло начать с грязной работы. В ее обязанности входило убирать использованные инструменты, отмывать их от крови, помещать в стерилизатор, где они двадцать минут кипятились, потом вынимать стерильными щипцами и класть на стерильные же, покрытые салфетками лотки, которые отправлялись в паровой автоклав. Тяжелая и опасная работа, где в любую минуту можно ошпариться или обжечься. Поэтому она была строго ограничена по времени и занимала лишь небольшую часть дежурства.

Операционная сестра ассистировала хирургу и часто сама зашивала раны. В случае дорогостоящих операций операционную сестру сменял врач, от чего хирург бывал не в восторге, потому что сестра была опытнее и от нее было больше толку. Но, к несчастью, у нее не было докторского диплома, так что богатые, как это ни парадоксально, получали за свои деньги менее квалифицированную помощь, чем бедняки, которые довольствовались тем, что дают. Проходя практику, Эдда частенько посмеивалась, видя, что деньги и положение не всегда гарантируют наилучшее лечение. Слишком придирчивые пациенты тоже оказывались в проигрыше. У пострадавшей сиделки была масса способов отомстить зловредному больному, от устрашающих доз слабительного до зудящей сыпи. Сиделки ведь тоже люди!

Еще Эдда узнала, что одна из сестер, стоящих вокруг операционного стола, подает стерильные инструменты хирургу или операционной сестре, а использованные бросает в лоток, который уносит санитарка. Другая считает количество салфеток, закладываемых в рану. При полостных операциях салфетки могут быть величиной с женский носовой платок и их требуется не меньше дюжины. Перед наложением швов все их обязательно убирают. Если оставить салфетку внутри тела, начнется воспаление и пациент может умереть.

Еще одна сестра ассистирует анестезиологу, выполняя любую его команду. Короче, каждый стоящий у операционного стола имеет определенные обязанности и не должен ничего упускать. Операционная сестра, ее помощница и еще пять медсестер образуют операционную бригаду. Таких бригад две, и при длительных и сложных операциях они могут сменять друг друга. В остальное время они тоже не сидят сложа руки – приходящие в себя пациенты требуют особого ухода.

К счастью, операции не вызывали у Эдды ни тошноты, ни отвращения – ей было просто интересно. Уверенные руки в резиновых перчатках осушали кровоточащую рану, устанавливали металлическую трубку, чтобы отсосать кровь, накладывали зажимы на упрямо кровоточившие сосуды, умело пользуясь всем арсеналом кровоостанавливающих средств – просто восхитительно! Правда, хруст кости под пилой привел ее в шок – развеялись как дым все романтические представления о деликатных руках хирурга! Руки у них должны быть крепкими и сильными, как у простых механиков.

Доктор Гордон был рад новой аудитории: удаляя аппендикс, он оживленно наставлял практикантку, к большому неудовольствию помощницы операционной сестры.

– Как видите, мы не углубляемся в брюшную полость, потому что это довольно опасно. Но толстая кишка и так хорошо видна, вот она лежит поперек других кишок. Видите ее? Вот и отлично! Обратите внимание, что брюшная полость имеет ярко-розовый цвет – это первый признак начинающегося сепсиса, но мы успели как раз вовремя и предотвратили перитонит. Операция достаточно простая, потому что слепая кишка расположена рядом с брюшной стенкой, а червеобразный отросток отходит как раз от нее. Такой маленький, а проблем с ним много – он часто воспаляется. В него набивается всякая дрянь, что-то вроде твердых маленьких фекальных катышков.

– Это как бы запор? – спросила Эдда, не совсем уверенная, что она может задавать вопросы.

Хирург загоготал:

– Запор бывает с другой стороны, милая.

– А вы вскрываете саму кишку, сэр?

– Хотелось бы! Нет, в кишках находятся фекальные массы с огромным количеством микробов. Если вскрыть кишку, они окажутся в брюшной полости и тогда неизбежен перитонит, сепсис и смерть пациента. У нас нет средств, убивающих микробы. Если я удаляю часть желудка или привратника в случае язвы или раковой опухоли, очень важно зажать края оставшейся ткани, чтобы содержимое не попало наружу, пока не наложены швы. То же самое при удалении части кишки в случае рака, когда соединяют два ее конца, но это очень рискованная операция. С желчным пузырем попроще, там можно убить микробы, принимая внутрь лекарства или делая инъекции. Вопросы есть?

Самый главный вопрос Эдда задать не решилась: почему все хирурги имеют шотландские корни? И инженеры тоже. Есть ли в этом какая-то закономерность?

Правда, доктор Герцен родился и вырос в Германии, и жителям Корунды сильно повезло, что у них в городе обосновался столь известный ортопед. К нему приезжали даже из Сиднея. Самая драматичная история в жизни доктора произошла во время Первой мировой войны, когда, несмотря на энергичные протесты местного населения, федеральные власти в шовинистическом угаре интернировали его как подданного вражеского государства, лишив права на медицинскую практику. Поскольку диплом он получил в Сиднейском университете, этот запрет имел не больше смысла, чем его двухгодичная изоляция. Корунда отчаянно боролась за своего доктора, и, освободившись, он продолжал преданно ей служить. Недавний житель Сиднея предпочел вести практику в городе, который сумел добыть ему британский паспорт.

В отличие от доктора Гордона, который не всегда был занят, Герцен оперировал практически каждый день. При необходимости они могли заменять друг друга.

Эдду вскоре сняли с грязной работы – теперь она подавала инструменты во время операций и одновременно узнавала массу интересных вещей. Операционная сестра ее полюбила – это означало, что ей дадут возможность попробовать свои силы в разных областях.

В тот день Гордон с Герценом оперировали вместе, но без анестезиолога.

– Пациент находится в коме, – объяснила Эдде сестра Маршалл, когда они мыли и дезинфицировали руки перед операцией. – Доктор Герцен попытается удалить внутричерепную гематому, сгусток крови, образовавшийся над мозговой оболочкой, который на нее давит. Такие гематомы, поглощая жидкость, увеличиваются в размерах. Но пространство внутри черепной коробки ограниченно, и для разбухающей гематомы там просто нет места. Она начинает давить на мозг, причем все больше и больше, что может привести к смерти пациента. Наши хирурги попытаются удалить сгусток и тем самым убрать давление на мозг.

– А как определяют, что у пациента внутричерепная гематома? – спросила Эдда. – Разве есть такой анализ?

– Кома, эпилептические припадки одной половины тела и разная величина зрачков – классические симптомы внутричерепной гематомы. Рентген не показывает сгустков крови, но доктор Герцен уверен, что у пациента огромная гематома в височной части головы. На это указывает потеря речи. Доктор Гордон с ним согласен.

– Может быть, лучше поставить на инструменты сестру Тримбл?

– Честно говоря, я бы этого не хотела. Кое-какие инструменты пришлось позаимствовать в Сиднее, и Тримбл их не знает. А вы проходили курс обучения и должны быть с ними знакомы хотя бы теоретически. Если повезет, они нам вообще не понадобятся, но…

Богиня закончила речь, и Эдда заняла место у операционного стола, чтобы доказать, что она кое-чему научилась.

Сделав небольшой разрез на коже головы и обнажив кость, доктор Герцен взял в руки нечто похожее на обычный коловорот. Круглый полый резец был диаметром с полпенса. Хирург повернул ручку, и резец стал вгрызаться в кость, а доктор Гордон осторожно собирать стружку.

– Внимание, я достиг оболочки, – предупредил доктор Герцен.

Через мгновение он поднял резец с кружочком кости. Хирурги наклонились над раной. Эдде ничего не было видно.

– Да там все черно от крови. Эрих, ты оказался прав! – воскликнул доктор Гордон.

– Отсос готов?

– Да.

– Я надрежу мозговую оболочку. Сестра, ваши ассистентки смогут справиться с пациентом, если он придет в себя и начнет паниковать?

– Да, сэр.

Взяв небольшие кривые ножницы с острыми концами, доктор Герцен сделал крестообразный разрез, в котором сразу же показалось черноватое желе. Гордон быстро вставил трубку отсоса.

Гематома больше не давила на мозг, но коматозный пациент очнулся не сразу. Хирурги ждали, пока прекратится кровотечение. Наконец доктор Герцен облегченно вздохнул:

– Думаю, теперь мы можем закрыть отверстие, Иен.

Костяной кружок был аккуратно возвращен на место и обложен собранными стружками. На кожу наложили швы, и операция благополучно завершилась. Пациент зашевелился.

– Почему ты не стал делать трепанацию, Эрих? – спросил доктор Гордон.

– Не люблю я их. Большой риск забраться слишком глубоко. Для парней из Сиднея, которые только этим и занимаются, это не проблема, но мне-то редко приходится дырявить черепа. С резцом как-то надежнее.

– Что ж, примем к сведению.

Когда через неделю пациент как ни в чем не бывало отправился домой, Эдде это показалось маленьким чудом. Она поклялась, что обязательно увидит, как оперируют настоящие нейрохирурги в Лондоне. Возможно, к этому времени Виктор Хорсли уже не будет кататься на велосипеде по Блумсбери, но там останутся другие, ведь в этом районе Лондона полно хороших больниц.

Через два года практики сестры Латимер вполне вписались в больничный пейзаж, а их личики под смешно торчащими косынками были знакомы всем и каждому, начиная от старшей медсестры Ньюдигейт и главного врача Кэмпбелла до сиделок, уборщиц и санитаров. Каждая из сестер имела свои приоритеты, за исключением разве что психиатрической лечебницы, где дежурить не любил никто.

Для Эдды самыми притягательными были операционная и травматологическое отделение. Причина была достаточно очевидна: здесь царила атмосфера драматизма, чрезвычайных ситуаций и опасности для жизни. Пройдет ли все гладко или случится что-то непредвиденное, ставящее пациента на грань жизни и смерти? Заранее сказать невозможно. После войны хирургия развивалась быстрыми темпами, но и теперь была далеко не всесильна. Эдда решила, что после окончания практики обязательно станет операционной сестрой.

Ее высокая стройная фигура вызывала недвусмысленный интерес у мужчин, к которому она была совершенно равнодушна. Казалось, она не замечала устремленных на нее взглядов, в ответ на комплименты лишь пожимала плечами и в корне пресекала любые попытки пригласить ее на свидание. Исключение делалось лишь для Джека Терлоу, с которым она поддерживала чисто дружеские отношения. Несмотря на проснувшуюся в ней любовь, она была не готова пожертвовать больницей ради романтических увлечений. Нет, Джеку Терлоу придется подождать, пока она сама не сделает шаг в его направлении… Но вот насчет замужества у нее уверенности не было. Пример Мод несколько пошатнул ее веру в супружество, а возможно, ей просто не хотелось играть подчиненную роль, которая неизменно ждет женщину в браке.

– Думаю, вполне логично, что замужняя женщина находится в зависимом положении, – заявила она сестрам, когда они вернулись с дежурства. – Она рожает и воспитывает детей, и здесь никакие няньки не заменят родную мать. Но все равно это несправедливо.

– Тогда не выходи замуж, – усмехнулась Тафтс. – Я лично не собираюсь.

– Бросьте болтать глупости! – воскликнула Китти. – Карьера – это, конечно, прекрасно, но без любви и взаимопонимания она ничего не значит.

– А при чем здесь взаимопонимание? – удивилась Эдда.

– При том! Не прикидывайся! Разве неясно, что любовь без взаимопонимания обречена на провал? Они не могут существовать друг без друга.

– Но мужчины, с которыми у меня взаимопонимание, почему-то не вызывают у меня любви, – заявила Эдда, и в глазах у нее вспыхнул огонек.

– Ну да, ты же у нас такая опытная! Кого ты хочешь обмануть, Эдда Латимер? – возмутилась Китти.

Эдда едва сдержалась, чтобы не сболтнуть о Джеке Терлоу. Но нет, пусть это будет ее тайной. Особенно сейчас, когда они стали встречаться регулярно. Как друзья, конечно, не выходя за рамки тех отношений, которые Эдда установила с самого начала. Ибо она была горда и не собиралась признаваться Джеку в своих чувствах. Пусть считает, что любовь ее совершенно не интересует, так же как и любой, даже самый невинный флирт. Его пол просто данность, никак не влияющая на характер их отношений. Никакой томности и призывных взглядов.

– Ты же собираешься уехать, когда получишь диплом, – с упреком сказала Китти.

– Естественно. Только не говори мне, Китти, что ты терпела три года только ради того, чтобы получить место младшей медсестры в захолустной больнице!

– Но я люблю Корунду! – запротестовала Китти. – Зачем куда-то ехать, чтобы увидеть точно таких же жалких больных?

– Не говори так, Китти! – оборвала ее Тафтс.

– Нет, нет, я ничего плохого не имела в виду, ей-богу, Тафтс! Но я действительно люблю Корунду и хочу выйти замуж за местного парня, с которым у меня будет любовь и взаимопонимание.

– Ну и дурочка же ты, – сказала Эдда, разливая чай.

– А я ее понимаю, – заявила Тафтс, глядя на свою сестру-двойняшку. – Но мне тоже хочется уехать и поработать в других местах.

– Но мы же никогда не расставались, – всхлипнула Китти.

– Эдда с Грейс тоже, но теперь мы стали взрослыми и наши пути расходятся. Эдда хочет стать медсестрой, а Грейс предпочитает быть женой. У нас с тобой точно так же. Я пойду в медицину, а ты – замуж.

– Да хватит вам! – прикрикнула на них Эдда, стукнув по столу.

Когда Эдда в очередной раз повстречалась с Джеком Терлоу на конной тропе, она сделала нечто такое, чего так никогда и не смогла объяснить себе, причем даже много лет спустя, когда обрела способность рассуждать вполне хладнокровно, – предложила ему познакомиться с ее сестрой Грейс.

Они сидели на бревне, и Джек сворачивал себе папиросу, завораживая Эдду видом загорелых рук, под тонкой кожей которых ходили мускулы. Руки хозяина, не изуродованные физической работой, хотя он и утверждал, что работает на земле.

Движение пальцев прекратилось, Джек исподлобья взглянул на Эдду. Так он обычно смотрел на нее, когда она чем-то его удивляла.

– Познакомиться с твоей сестрой Грейс? – переспросил он.

– Да, но только если ты этого хочешь, – быстро проговорила Эдда. – Мы же с тобой никуда не ходим вместе. – Она небрежно пожала плечами. – Можешь отказаться, я не обижусь. – Потом придала лицу скучающее выражение. – Правда, там будет не слишком весело. Грейс через три месяца должна родить и вся в преддверии такого важного и уникального события.

Джек насмешливо улыбнулся:

– Бедная Эдда! Тебе не хочется идти одной. Скучная обязанность?

– Какой догадливый! Так ты пойдешь? Скажи «нет»!

– Я буду рад познакомиться с твоей сестрой. Две Эдды сразу – прямо дух захватывает! Вы точная копия друг друга?

– Были, когда родились, потом сходства стало меньше. Внешне Грейс очень на меня похожа, но по характеру она совсем другая, не такая решительная. Вовсе не копия Эдды.

– Какая удача!

– Прекрати! Моя решительность никак на тебе не отражается.

– Это верно. Иногда я об этом жалею.

– Грейс живет на Трелони-уэй, – сообщила Эдда, меняя тему. – Дом десять. Так когда идем?

Джек зажег папиросу.

– Когда у тебя следующий выходной?

– Во вторник.

– Я заеду за тобой в больницу в три.

– Нет, встретимся у муниципалитета.

И это было все. Вместо того чтобы проводить ее, Джек вскочил в седло и, чуть кивнув на прощание, пустил лошадь в галоп.

Эдда огорченно посмотрела вслед удалявшейся фигуре. Вот дурак! Менять что-то в их отношениях было опасно, но она все равно это сделает! Зачем? По той же самой причине, что побудила ее опустить ножку стула на голову ядовитой змее. Желание испытать себя. И почему надо вечно лезть на рожон? Когда другие в страхе разбегаются, она обязательно остается и проводит эксперимент.

Джек Терлоу поскакал домой, размышляя, зачем он согласился знакомиться с Грейс Ольсен, урожденной Латимер, хотя подозревал, что сделал это только ради Эдды, которая ему нравилась. Если бы не она, он ни за что не стал бы каждый божий день галопировать в седле. Его сильно тянуло к ней, но он умел справляться со своими вожделениями и вовсе не собирался поддаваться ее чарам. Элегантная и уверенная в себе, она, казалось, источала чувственность, столь редкую у воспитанных в строгости женщин. Она сохраняла девственность, но это был ее собственный выбор. Просто эта маленькая задавака еще не встретила никого достойного себя. Джек чувствовал, что он ей нравится, но считал это всего лишь прихотью скучающей девицы. Такой женщине нужна совсем другая жизнь, и Корунда в этом смысле мало что могла ей предложить.

Замужество в данный момент не входит в ее планы, а он и вообще не собирается ни на ком жениться. Так стоит ли начинать то, что может закончиться нежелательной беременностью? Сворачивая к дому, Джек утешил себя мыслью, что, приняв приглашение Эдды, он лишь подчеркнет заурядность всего происходящего: посиделки в компании двух сестричек, одна из которых нетронутая, а другая беременная, – что может быть скучнее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.